

РАСТОЯША
САВЕСТИКА

БОРИС ГЕОРГИЕВ

КОСМОГОН

Каким станет Дело, если Слово убого!

Борис Георгиев

Космогон

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6495259

Георгиев Бю Космогон: Снежный Ком М; Москва; 2013

ISBN 978-5-904919-63-4

Аннотация

Это – рассказ о том, как всё было в состоянии неизвестности, всё холодное, всё в молчании; всё бездвижное, тихое; и пространство неба было пусто. Или так: когдаверху не названо небо, а суша внизу была безымянна, Апсу первородный, всесотворитель... Или даже так: около четырёх с половиной миллиардов лет назад в газопылевом облаке рукава Ориона галактики Млечный путь случился гравитационный коллапс.

Но ведь всё это – сказки! О том, как всё было на самом деле, а главное, чем обернулось для человечества, читайте в новом романе Бориса Георгиева, написанном в лучших традициях научной фантастики.

Содержание

Трудности перевода. Вступление	5
Космогон. Глава первая	11
Пашня	11
Дневник Космогона-Огородника	13
Вечер трудного дня	14
Дневник Космогона-Огородника	22
Столкновение	23
Сев	28
Дневник Космогона-Огородника	30
Колышки	31
Дневник Космогона-Огородника	34
Трудности перевода. Интермедия	35
Побег первый. Тет-а-тет с одиночеством	39
Тени	39
Выписка из журнала обрезки побегов (hacked by WPTranslator)	51
Прилунение	55
Выписка из журнала обрезки побегов (hacked by WPTranslator)	72
Молчание	75
Выписка из журнала обрезки побегов (hacked by WPTranslator)	88
Звуки	93

Борис Георгиев

Космогон

Трудности перевода. Вступление

Я хотел поставить точку и проглядеть письмо по диагонали, но текст пропал с экрана. Всё пропало, чёрный квадрат. Пока я пытался понять, что бы это значило, компьютер писком выразил протест и показал вместо выстраданного письма загрузочную дребедень.

– Что за...? – спросил я, но сообразил: поздно, руганью делу не поможешь.

– Опять?! – возопил я в праведном гневе, оскалился и глянул в окно, подбирая эпитеты. Рыбий костяк из балок и стропил в апрельской сини, перевёрнутый остов судна, – зародыш крыши соседского дома был пуст. Не ползали по нему грузные ватные тени, не трещали сваркой и не орали матерно, роняя с лесов всякую дрянь. Суббота, припомнилось мне. Вчера вечером они пошабашили, задолго до звезды, и явятся послезавтра, раненько. Станут азартно переключаться в семь утра, а часам к восьми затрещат сваркой, вот тогда и надо будет орать им из окна, что работать невозможно, если так скачет напряжение.

Я прослушал праздничное «тада!» системы, лениво потя-

нулся – проверить, всё ли пропало или текст успел самосохраниться каким-то чудом, но мне пришло в голову, что надо бы звякнуть в диспетчерскую электрикам. Их спросить, что за шутки со светом. Я набрал воздуха, готовясь исторгнуть стон, и тут до меня, наконец, дошло, что случилось на самом деле. Очередная выходка переводчика. Пары секунд хватило на выяснение – так и есть, пришло письмо, торчит во «входящих» жирная единица. И это притом, что нет связи, не подмаргивает пыльным глазом модем. Ещё не ожил после перебоя питания.

Переводчик мой – большой оригинал. Деликатность не позволяет ему общаться напрямую, и он всякий раз изыскивает обходные пути. Первое время расписывал посланиями стены, до полусмерти пугая мою жену. Потом я дал понять, что даже если надпись на следующий день сама собою исчезнет, осадок останется, и тогда он переключился на компьютер. Делает вот что: устраивает обрыв сети, снимает всё с диска, затем выкладывает обратно, добавив от себя, что нужно. Я решил – пусть. На фоне художеств соседских строителей ещё одна внезапная перезагрузка в день не выглядит бедствием, и уж, во всяком случае, это лучше, чем прямой контакт с переводчиком. Обычно после непосредственного общения с ним я похож на развалину. Однажды жена по незнанию даже вызвала скорую. Но эксцентричность переводчика с лихвой компенсируется его профессиональным уровнем – лучшего преобразователя волновых функций и знатока ре-

ликовых диалектов я не встречал.

Нельзя сказать, что письмо застало меня врасплох, как раз накануне я обратился к бесцеремонному моему корреспонденту за помощью. Приспичило мне истолковать полиграммы, найденные при раскопках Третьей Большой Машины. Скорого ответа ожидать не приходилось, и вовсе не потому, что дешифровка полиграмм для него затруднительна. Просто этот шалопай... Я по-прежнему имею в виду переводчика, и вам придётся смириться с тем, что не называю его имени. Он категорически против сокращений, но возмись я озвучить полное его самоназвание, боюсь, не успею до второго пришествия.

Да, так вот, этот шалопай никогда не относится всерьёз к заданиям, которые получает от меня. Выполняет в последнюю очередь. Не знаю, считает ли он мои проблемы пустой забавой или ему просто скучно с ними возиться, но обыкновенно он не торопится.

Поскольку перевод полиграмм нужен был мне срочно, я скорее обрадовался, чем удивился, и поспешно открыл письмо. «Твоё восходительство, живи! Как метаболизм? Как размножение? Как промысел?» – прочёл я обычное приветствие. Переводчик мой, когда пытается быть вежливым, становится на редкость грубым и вульгарным. Никому кроме него не придёт в голову спросить, как у меня обстоят дела с размножением, и назвать мышление промыслом, о метаболизме же в деловой переписке, как правило, вообще не захо-

дит речь, хотя нельзя отрицать, что из-за нарушения обмена веществ остальные процессы могут стать невозможными. Я покрутил головой, поворчал: «Свинство!» – хоть прекрасно знал, что ничего плохого корреспондент мой не имел в виду; поднялся, кряхтя; сходил к окну и закрыл форточку, чтобы не мешал синичий щебет – чтение перевода требует максимальной сосредоточенности. Затем я снова уселся и стал читать:

«Твоё восходительство, живи!

Как метаболизм? Как размножение? Как промысел?

Ты мне поможешь. Мне вполне открылась новая негуманная волновая функция, но смысл её человечески и нечеловечески странен. Хладнокровно и взвешенно боюсь, что промысел её испускателя не только по-человечески странен, но и гуманно опасен в самом верхнем смысле. Я разрешил себе выполнить преобразование и начал с диапазона Ваше-миллиметровых волн, но двинуться выше двадцати одного Ваше-сантиметра пока не смог, – вражески сильный умысел. Я знаю, умысел направлен на Вашу землю. Исключительно на Вашу. Я знаю, Вы не хотите исчезать. Неисключительно Вы. Я знаю, что могу человечески и нечеловечески ошибаться и пугать больше, чем умыслил испускатель. Следуя из этих посылов, необходимо отправляю тебе приказ: проникни мыслью во все слои преобразования и заключи как человеческий эксперт, что тебе о нём помыслится. Отдаю тебе преобразованное в человеческий язык послание. Хочу быть уверен, но

не уверен, что оно тебе доступно.

Не медли, как делаешь обычно. Пока жду. Твой волновой преобразователь и реликт».

Я поймал себя на том, что озадаченно таращусь на экран. Я ожидал, что непосредственно за формулой вежливости пойдёт текст перевода, а в последнем предложении будет шуточная подпись. Приветствие было, иронический автограф тоже, но помещённый между ними текст со всей очевидностью не содержал перевод альтикской полиграммы. Судя по косвенным признакам, на артефакте, найденном при раскопках, записан некий регламент, относящийся к обслуживанию Третьей Большой Машины альтиков. То, что было передо мною, выглядело как обычное письмо. Невероятно – мой волновой преобразователь и реликт потратил на личное общение сто пятьдесят четыре слова! Обыкновенно он экономен, если не скуп, и в каждое слово, в каждую лексему, в каждую конструкцию вкладывает не меньше трёх смысловых слоёв, избегая досужей болтовни пуще вечного своего врага – энтропии. Израсходовать попусту сотню слов для него всё равно, что... Я перечёл послание. Всё верно. Мой корреспондент уловил в эманациях какого-то «испускателя» враждебный по отношению к человечеству умысел. Он исследовал волновой пакет в диапазоне от одного миллиметра до двадцати одного сантиметра, выполнил перевод на человеческий язык и высылает результат мне, не только как эксперту по гуманитарным вопросам, но и как лицу, заинтере-

ресованному в безопасности человечества. Если вникнуть в оскорбительную по форме, но вполне невинную по содержанию фразу: «Не медли, как делаешь обычно», – станет понятно, что мой волновой преобразователь и реликт обеспокоен, если не напуган вражески сильным умыслом таинственного испускателя, но пока ждёт, то есть не будет принимать мер в отношении этого по-человечески странного и гуманно опасного в самом верхнем смысле субъекта. Или объекта? Неизвестно. Но не существенно, ведь и в отношении переводчика я не могу сказать однозначно – субъект он или объект. Важен смысл: человечеству, полагает мой корреспондент, угрожает опасность. Вы спросите, почему именно человечеству, а не лично мне? Когда этот реликт пишет местоимение «вы» с большой буквы, он подразумевает вид, а не одного, хоть и уважаемого, хомо сапиенс.

Итак, меня попросили проникнуть мыслью во все слои преобразованного в текст волнового пакета. Но где же сам перевод? Неужели я должен выискивать его между строк в ста пятидесяти четырёх словах сообщения? Я собрался перечитать послание в третий раз и приступить к поиску скрытого смысла, но тут заметил, что к письму прикреплён увесистый файл. Если судить по названию и расширению, – как раз в нём и содержится перевод с языка волновых функций на русский. Обозвав себя идиотом, а переводчика квантовым болтуном, я открыл вложение и прочёл в заглавии «Космогон».

Космогон. Глава первая

Пашня

С недавних пор он стал именовать себя Огородником. Имя пришлось по душе: услышишь, и сразу представляется поднятая загодя зябь и полные жизни семена полисферы.

Родитель не одобрял его увлечения огородничеством, но всё же помог получить надел. Не близко от центра Молочной провинции, но и не на пустошах, в удобной прямоугольности от стремнины Орионова ручья, где почва жирна и влажна. Стало быть, водородицы светлой много будет в ней, когда отойдёт тёмная внешняя влага. Будет чем питать корнесвет после подмятия целины, и легче выйдет полисферы окучивать, чтобы ровней поднимались всходы. А что родитель недоволен – пустое. Старик закваски древней, где ему понять тягу нового поколения к уединению и труду размеренному, к неторопливым занятиям. Всё бы ему давить, теснить и самодурски править; в центре рождён, в центре возвращён, в центре пребудет до тех пор, пока снова не сольётся со светом тьма. «А и не знает старик, как жизнь провинциальная красна и привольна, – думал Огородник утром первого дня, озирая зяби, – расти да радуйся шири. Захоти я, и то не удержался бы близ родителя, ведь знамо дело – гон

у меня. Что тут непонятного? Не один я такой, немало косматых разбежалось из-под опеки, и как бы не опередил меня кто, не осквернил бы почву близ ручья Орионова потравой или севом непорядным, грабительским». Забеспокоился Огородник, озирая округу, но конкурентов в прямовидности не было, а зябь лежала неграблёная, нетронута влажная, как думосфера перед оплодотворением. При мысли о зачатии Огородник исполнился гордости, светлое томление пронизало его насквозь, и подумалось ему, что имя Огородник простовато, мало ли косматых в Молочной провинции?! Гон у Орионова ручья выйдет особенно косматым. Наикосматейший будет гон. «Космогон», – подумалось огороднику, и со словом этим приступил он к пашне. Налёг всею силою, всею жаждою гона, всею весеннею нерастраченной страстью. В его сознании отдалось ликующим эхом: «Я Космогон!» – и он ответил мыслям своим, всё ещё выжимая всею тяжестью тёмную влагу из гряд:

– Космогон-Огородник отныне имя моё! – И при этих словах отошли из гряд тёмные воды.

Дневник Космогона-Огородника

По замыслу моему стал я огородником, по словам моим имя себе избрал Космогон-Огородник, и со словами такими приступил к пашне.

Лежала почва жирна и безвидна у излучины Орионова ручья. Пребывал я над нею и думал о севе. Ручей змеился в приятной прямоугольности, водородицей светлую почва напиталась изрядно, но и тёмными водами тоже. Многотрудное дело – подминать целину, тяжёлое, но плодотворное. И вот я, Огородник-Космогон, приступил к зябям и мял их и давил, пока не отошла темна вода. И она отошла и вернулась в русло, и узмеилась ко стоку вод. Просветлела почва, ибо собралась водородица светлая, мною подмятая в гряды, но не отступился я, но подминал и налегал прилежно, чтобы воссиял корнесвет в грядках, и стало так.

Воссиял корнесвет, взвихрился, и был он чист и светел, а тяжёлая пыль пласталась вращением около.

Подивился я, как хорош корнесвет, и сказал: «Хорошо!» – и стало хорошо мне, Космогону-Огороднику. Но тут заметил я, что за трудами моими прошёл в Молочной провинции день один.

Вечер трудного дня

Отступил Космогон-Огородник от корнесвета и прилёг у излучины Орионова ручья, устало озирая окольности. Зяби окрест потускнели, но поодаль мерещилось мерцание, видать, прочие косматые не теряли времени, сеяли.

– Этак и пройдёт жизнь в суете, без приятного созерцания, – изрёк Космогон. – Утомился я, а усталость – плохой помощник. Что за сев ввечеру? Выбирать клубнесферу надобно с бережением, да и не подошли они ещё, клубнесферы-то. Как там в «Наставлениях» писано?

Космогон обратился к «Наставлениям» и нашёл там: «Первый друг огородника – осмотрительность. Первый враг – спешка. Лишь после того, как клубни обрастут плотной коркой, можно вносить семена, но прежде обработай выбранный клубень патентованной жидкостью от сорняков и вредителей. Ею же полезно опылить и соседние клубни, если те также взялись коркой, и обрабатывать их регулярно, во избежание заражения почвы сорными побегами. О выборе клубнесферы, пригодной для осеменения, поговорим ниже, а сейчас мы ознакомим тебя со способами удобрения почвы на ранних этапах формирования корнесвета. Наилучшим следует считать способ превентивного удобрения зябей. Ознакомься со списком и, строго следуя ему, внеси удобрения перед тем, как приступишь к подмятию цели-

НЫ...»

— Но я уже подмял! — возмутился Космогон. — Раньше никак не могли предупредить?! Вредители! Ладно, стало быть, мрак с ним, с этим... Как его? С превентивным. Какой там ещё у вас способ?

«На ранних этапах формирования клубней применим также способ пропыления протоклубневого диска измельчёнными остатками корнесветов прошлого урожая. Мы называем этот приём принудительной тяжёлой металлизацией. Он затратен, требует постоянного участия огородника, но при должной сноровке может дать сносные результаты».

— Ну нет, это не для меня. При должной сноровке сносные результаты!.. Результаты должны быть великолепными, а трат поменьше бы. И постоянное участие мне не подходит. Что там дальше? Это не то... Это дорого... Это уже не успеть, клубни, небось, кон-ден-сировались. Экое слово заковыристое. Что же, нет больше способов? А, вот ещё что-то у них дальше про удобрения.

«Если удобрения не были внесены до конденсации клубней, тебе потребуется помощь профессиональных удобрителей. Самостоятельное применение специальных средств запрещается под страхом лишения надела в Молочной провинции. Настоятельно рекомендуем обратиться к уполномоченному подотдела специальных средств (УПСС). Затраты на удобрение надела в таком случае определяются УПССом с учётом местных условий и...»

– Паразиты, – беззлобно ругнулся огородник. – И здесь настигли, чтоб им пусто было, мрачно и тягостно. Нигде нет от них спасения. В центре осядешь – доят. На задворках провинции – доят. В рукавах затеряешься – опять доят. Это надо ж такое выдумать – УПСС! Куда бедному огороднику податься?

– Ко мне, с-сынок, ко мне подайс-ся, – просипел извне призрачный голос.

Космогон от неожиданности расплылся, но быстро овладел собой и сгустился до обычной плотности.

– Ты кто?! – визгнул он верхнечастотно. – Ты где?!

Возглас его ещё не достиг целины за дальними пределами паханных гряд, а в ручей Ориона, подняв волну, втиснулось извне протяжённое в одном измерении тело.

– Здес-сь, – шелестнул бесцветный голос. – С-слыхал я, кто-то с-сказал УПС-с? Не ты ли, с-сынок?

– Господин уполномоченный? – с тоскою осведомился Космогон.

– С-свет с тобой, с-сынок! – оскорбился гость, следуя к берегу по кратчайшему расстоянию. – Я УПС-с, ус-сердный помощник с-садовода. Ты ведь с-садовод, если я не ошибаюсь-сь?

– Огородник! – надменно молвил Космогон, сообразив, что гость никак не может быть телом официальным, скорее жулик, каких пруд пруди по всей провинции. И, собравшись с мыслями, продолжил:

– Космогон-Огородник имя моё. И не звал я уполномоченного, просто чихнул. Уходи с миром вовне, откуда приплыл. Огородник я, а не садовод, понял?

– Не одна ли с-срань? – сипнул негромко гость, выбираясь на берег и раздуваясь до полнотелости. Но не достиг приятной сферичности, остался протяжённым в одном измерении более, чем в прочих. И стало ясно, что не весь он проявился, большей частью вовне скрывается.

– Что? – не понял Огородник.

– Я с-сказал, не снова с-с ранних лет я огородничал, и недаром с-смолоду набирался опыта, помогу тебе и возьму недорого. Я с-слыхал, ты удобрять с-собираешься? Могу с-судить тяжёлыми элементами.

– С прошлого снятка корнесветов?

– С-с позапрошлого. Из с-соседней провинции, – подмигнул телесными морщинами УПС.

Огородник выждал, пока улягутся от сего подмигивания вторичные волны, помолчал для солидности, думал выразить согласие, но в глубине светлой души его зашевелились сомнения. «Темноватый он какой-то, вёрткий. Мраков сын. Не обтёк бы по кривой с тылу».

– Говоришь, недорого, – деловым тоном заговорил он. – А доставка из соседней провинции? А десятина центру уплачена ли? А не будет с УПССом неприятностей? Или ты без специальных средств обойтись намереваешься?

– Без них никак раньше с-семи дней не управиться, а нам

с-с тобой к утру бы пос-спеть. Набухнут клубни, обрас-стут корой, как тогда будем добавлять металлы? А без металлов, с-сам понимаешь, всё попус-сту. Без молибдена особенно. Без него вялодумцев не вырас-стить.

– Каких таких вялодумцев? – удивился огородник, позавыв от изумления и о доставке и о возможных проблемах с местным уполномоченным. – Да ты знаешь ли вообще, о чём речь? Я полисферу буду сажать, разводить думотериев.

– А, ну да, ты ж огородник, – пробурчал УПС, телесно поморщившись, потом добавил с искусственным оживлением: – А без молибденовой подкормки вс-сё равно не жить твоим думотериям. С-самый полезный для них элемент.

– Что-то я не припоминаю такого в «Наставлениях».

– Эти нас-ставления писаны олухами для олухов. С-сам посуди, откуда им там, в центре, знать, как с-садовничать-огородничать? Да они полис-сферы живой в глаза не видели. В центре у них дыра на дыре, только и думают, с-с кого бы ещё с-содрать десятину вместе с-с последнею оболочкою.

– Да! – припомнил огородник. – Так что ж с десятиной? Уплочено? И как с доставкой будем выкручиваться?

– А ты, парень, не промах. Люблю таких-х, – интимно шепнул УПС, изгибая тело гиперболой. Шёпот его дал оттяжку в хрип, от низкочастотной вибрации за околицей вздулись пылевые облака. – Говорю тебе, товар из с-соседней провинции, с-специальные средства оттуда же. Сам я как,

по-твоему, с-сюда попал? Норы знаю. С-смекаеш-шь?

Хоть и не понял Космогон, какие такие норы, но лестный отзыв усердного помощника садоводов об его, огородника, деловых качествах наполнил светлую душу гордостью. Однако всё-таки остались у него сомнения. Он спросил:

– Так и что, если из соседней провинции?

– А то, что мес-стному уполномоченному эти дела до звезды. Не у него же в провинции убыток металла? Не его средства привлекаются? А за дос-ставку не возьму я с-с тебя ни эрга. Внесёшь за металлизацию, прочее – не твоя печаль. Идёт?

– Идёт, – решительно заявил Космогон, но про себя подумал: «А не так пойдёт, сдам тебя обоим управляющим, пускай промеж собою разбираются». И тут же бросил как бы нехотя:

– Чем расплачиваться? Водородицы не проси, у самого мало. Вишь, корнесвет хоть и молодой, но уже красен.

– Это называется крас-сен? Всё с-с твоим корешком в норме, поверь опытному с-садоводу... э-э... то есть огороднику. Не хочешь водородицей, плати отчасти обрезками побегов, отчасти вялдумцами крупнотелыми, когда выра-стут.

– Обрезками? – обрадовался огородник, сообразив: «Всё равно обрезать, пускай забирает». – Это дело. Забирай хоть все, мне они без надобности. Сам же и устроишь обрезание.

– Ус-строю, – тёмно пообещал УПС, разворачиваясь к ру-

чью по касательной.

– Только на вялодумцев не надейся. Говорил же – ращу думотериев. Не будет вялодумцев ни мелкотелых, ни крупнотелых. Не вырастут.

– Вырас-стут, – прошипел, сдуваясь до одномерности УПС.

Входя в стремнину ручья Орионова, прибавил едва слышно: «Деревенщ-щина», – но Космогон не обратил внимания, так рад был удачной сделке. Слыхано ли: металлизировать, молибден внесут (хоть и непонятно, что это такое и зачем нужно) и за то в виде платы ещё и обрежут побеги! Знамо дело – без обрезки не обойтись, ведь на каждом клубне полисферы следить надобно за всходами, чтобы росли ровненько, грядой, и без побегов. Побег – штука опасная. Того и гляди разведутся думотерии, расширятся, заразят соседние клубни, и нет чтоб слиться, – обособятся. Не оплодотворять же каждого! В «Наставлениях» так и сказано: «Только после формирования думосферы, что невозможно без полноценного слияния думотериев по всей гряде, во всех параллельностях одновременно, можно приступать к оплодотворению. Только в этом случае возможно зачатие, без которого гон следует считать бесплодным и преступно расточительным». Преступная расточительность не взволновала огородника, но при мыслях о гоне всколыхнулась его светлая душа, пошла многомерными пучностями и замутилась рефlekсами. Отвлечённый волнительными предношениями, Кос-

могон не заметил, как узмеился УПС, как плеснуло, уходя вовне, в маслянистых водах ручья его протяжённое тело. Ни сферической ряби не видел огородник, ни тихого мерцания вод в лучах молодого ярого корнесвета. В «Наставлениях» ясно сказано: «Не забывай отмечать в дневнике огородника все этапы сева в хронологическом порядке, чтобы исключить ошибки при определении сроков начала и окончания работ».

– Самое время, – сказал себе Космогон и взялся за дневник.

Дневник Космогона-Огородника

И был вечер.

Возлѣг я, Космогон-Огородник, у пашни и стал думать о том, что исполнено, а пуще о том, что ещё не исполнено. И надумал удобрить почву, дабы дать жизни питание. И понял я, что не годится медлить, ибо возмущаются клубнесферы твердью во всех параллельностях, иссушатся и сушь твёрдая отделила от воды воду, но не будет в мёртвой жидкости проку. А как настанет пора семенить клубни, не взойдёт на них плесень, не заведутся в ней думотерии, не сольются они и думосферы не выпустят. И не будет зачатия, а гон без оногo преступен и расточителен. О ужас бесплодия! Не бывать тому!

Собрался я, Космогон-Огородник, с духом, укрепился и молвил слово удобрительное. И по слову моему удобрилась почва у клубней и набралась тяжести. Доброй стала почва у ручья Орионова, жизнеплодной, молибденовой. И увидел я, что это хорошо.

И бы...

Столкновение

От осознания собственной состоятельности Космогону похорошело. Он рассеялся до прозрачности, лёжа у пашни, и перестал видеть сияние корнесвета. Задремал, а вскорости и заснул бесчувственно и бессознательно.

– Эй, селянин! – трубно прогудело над грядами у ручья Орионова.

Встрепенулся Космогон, заколыхался, но сгустился не сразу.

– Я Космогон! – возразил он, ещё не вполне овладев телом и разумом, поэтому представление вышло малоторжественным, началось в низах, а завершилось высокочастотными скрипами.

– Тебя мне и нужно, – бархатно пропел незнакомец и продолжил, возвысив голос до силикатного рокота: – Восстань, когда беседуешь с уполномоченным! Как ты смел, селянин косматый, окраинный, в обход меня пашню металлизировать?!

Восстал Космогон, как и было приказано, уплотнился до полного осознания, и прибыло в светлой душе его бодрости – достаточно, чтобы унять колебания и пульсации. «Металлизировал? Так ведь не я это сделал, а усердный этот помощник. УПС, мрака сын и темнотный выползок. А с уполномоченным мне теперь беседовать. Металлизировал? Как же

так? Ввечеру только договаривались...»

Огляделся Космогон около и понял – пашня исправно металлизирована, и мало того – уже взялась сгустками, не ровен час, взбухнут клубни, самое время окучивать. Но у гряд, попирая собою почву, пучилось тело, по виду – официальнее некуда. Полносферное, важное, силикатное, во всех доступных огороднику измерениях одинаковое. «Накликал, гад ползучий, уполномоченного. Как теперь от него отделаться? Знать не знаю и ведать не ведаю... О! Знать не знаю, и ведать не ведаю!»

– Чего, говоришь, сделал? – фальшиво удивился огородник, морща тело как бы в непонимании. – Куда метал? Кого лизировал? Знать не знаю, о чём ты. И кто ты такой, ведать не ведаю.

– Ты пустоумным-то не прикидывайся. В пашню тебе металл из моей провинции всыпался, а кто кого без визы лизировал, это я тебе на струнах втолкую в самую душу твою селянскую.

«Из его провинции. Не местный, стало быть, это управляющий», – сообразил Космогон, и бодрости его прибыло против прежнего. А УПСС соседней провинции продолжал, распадаясь до малиновых проблесков:

– И добро бы один молибден, его у меня как грязи! Зачем кремний тебе, садоводу, понадобился? Железо на кой умыкнул драгоценное, пузырь ты водородный, исчадие гелия?!

– От пашни отстранись, средоточие тяжести, – с достоин-

ством ответил Космогон. – Садовод твой сын. Изъясняйся полегче, когда общаешься с огородником. И молибден мне твой без надобности, и прочее. Кто пашню засорил, пока я предавался размышлениям, того не знаю. Поищи вокруг себя, не твоего ли окружения выползок. А за потраву и пашни засорение ответит твоя провинция. Вот погода, я кликну местного уполномоченного.

УПСС впервые повёл себя неуверенно, обминул корнесвет по широкому эллипсу, удалился за околицу и вернулся уже не малиновым, а в багровую крапинку.

– Не пыли, – примирительно пропыхтел он. – Может, зря горячимся. Мы не в Центре. Не столкнётся ли нам тела ко взаимному удовольствию? Говоришь, не садовод ты, а огородник? Молибден тогда тебе и вправду...

– Огородник. По мне разве не видно? – вспучился Космогон.

– По тебе заметно, а по грядке твоей – не очень-то. Тяжеловато удобрена. Кого разводишь?

– Думотериев.

УПСС расхохотался, обходя пашню, улетел за околицу и вернулся совсем твёрдокаменный.

– Чем они питаться будут, твои думотерии? – спросил он с участием. – Кремнием?

– А хотя бы и кремнием! – теряя выпуклость, огрызнулся Космогон.

– Ты не в курсе, значит, последних достижений огородни-

чества. Карбоном запастись не мешало бы. С ним куда быстрее взойдут и живее получатся.

– Живее?

– Такие вырастают, только держись. Мигом клубни ими оплеснеют.

– Карбон. Где же взять его? Впору уже окучивать... – вполголоса пробубнил огородник.

Но УПСС из соседней провинции имел тонкое восприятие, потому расслышал.

– У меня этого мусора!.. – начал он, поперхнулся, махнул за околицу. Вернулся, сверкая мёрзлую оболочкою, и продолжил, низко вибрируя:

– Найдётся карбон у меня в провинции. Предашь потраву забвению, подброшу чуток, чтобы думотерии твои получились шустрыми углеродцами, а не кремнёвыми вялыми задумцами. Идёт?

– Идёт, – решился Космогон и тут же спросил, не веря такому удачному провороту дел: – А не схитришь? Удалишь-ся, ищи тебя. Не кликнуть ли всё-таки местного уполномоченного?..

– Сделка есть сделка, – холодно молвил неместный уполномоченный, удаляясь за околицу и возвращаясь на полной скорости. – У меня при себе имеется малая толика, остальное пришлю с гостинцами.

Со словами такими сунулся он напрямик в гряды, и – ша-рах! – обледенелым телом прямо в клубневый сгусток рыжей

масти, уже взявшийся корочкой во всех параллельностях.

– Ты чего делаешь?! – всечастотно возопил огородник, но непрошенный гость, толкнувшись телом о пахоту, устремился прочь быстрее прежнего. Тело его распалилось вновь, а оболочки сверкающей крошево обсеяло всю округу и пашню туманом душным окутало.

– Жди гостинцев! – прохохотал УПСС, удаляясь по гиперболе. И чуть не из соседней провинции прибавил: – Забей колышки, селянин! Замашешься побегу окорачивать!

И новый взрыв низкого хохота стих в отдалении.

Сев

Загрустил огородник, затемнилась душа его, и тело по-
ежилось. «Какие колышки? Куда забить? Что за притча с по-
бегами? Видать, прознал он нечто, но мне не сказал. Клубень
зачем-то огрел с налёту, всю грядку мне своею коркою... А,
понятно. Это карбон. И ещё он пришлёт с гостинцами. Знат-
но удобрил, закарбонил всю пашню во всех измерениях. Что
ж я стою, как задумец кремнёвый? Время сеять, а опосля и
окучивать! Какой же клубень выбрать для осеменения?»

Он придирчиво разглядывал клубнесферы во всех до-
ступных ему измерениях, и на просвет, и под разными угла-
ми; щупал корку, сковыривал и даже нюхал, но запах ему не
понравился. Большие клубни густеть не хотели, тот рыжий,
пришельцем ударенный, разил затхлостью – такой осеменять
никакой радости. Иные казались излишне горячими, другие
малы и вёртки сверх меры, – как тут выберешь? В «Настав-
лениях» об сём было вот что сказано: «Выбор клубня, при-
годного для разведения думотериев, выполняй по собствен-
ному разумению: не слишком близко от корнесвета, но и не
слишком далеко. Размеры осеменяемых сфер во всех парал-
лельностях должны быть одинаковыми, – не слишком вели-
ки, но и не малы. Внимательно осмотри поверхность – изъ-
яны не допускаются. Толщина коры...»

– Уо-о! – зевнул Космогон. – Какой мрак. Напустили ту-

ману, вредители. Прав был тот продолговатый гад, живой полисферы наставники в глаза не видели. Вот этот пусть будет, который от корнесвета второй. Ну-ка... Ах ты! Горячий! Нехорошо это – жечь осеменителя. А третий?

Обнял Космогон-Огородник третий от корнесвета клубень, обхватил всем своим естеством и осеменил драгоценным семенем полисферы во всех параллельностях. Легко ему стало, радостно. Не клубню, разумеется, тому было без разницы. Возрадовался огородник и облегчился, но времени на пустые восторги не стал тратить, а принялся клубень окучивать. Лишнее отбрасывал, подгребал полезное, обхлопывал – чудо как хорошо стала грядка выглядеть! – собралась шариками во всех параллельностях. От трудов огородника проступила влага, но не на нём самом, разумеется, в нём влаги ни капли отродясь не было. Проступила влага из клубня, залила шарики по всей гряде, заполнила горячие трещины, пар взметнулся фонтанами и дымы живые укрыли клубень, облаканный осеменителем.

– Хорошо-то как! – выдохнул Космогон, отстраняясь, чтобы полюбоваться содеянным. Его духом туман отнесло в сторону и взрыбило воды. Впрочем, скоро клубнесфера снова окуталась газами.

Дневник Космогона-Огородника

И было утро. День второй.

Восстал я, Космогон-Огородник, над грядкою и увидел, что сеять надобно, ибо пришло время для этого. Закарбонил я почву по своему разумению и семя внёс полисферное и окучил гряды тяжким старанием. И гряды окучились, стали округло правильны, да по умыслу и старанию моему отделилась от тверди влага жизнетворная и собралась по-над сферами в облаки. И сказал я, что это хорошо, и стало хорошо по слову моему.

И призаду...

Колышки

– Охранная сигнализация! Средства от паразитов и вы-ползков! Автоматическое побегопредупреждение! Установ-ка, сопровождение! Внимание, акция! Бесплатно забьём...

Космогон оторвался от дневника, чтоб отогнать назойли-вого мелькальца или прихлопнуть, если окажется поблизо-сти, но слова о бесплатности против воли коснулись разума и заставили всмотреться и вслушаться. И то сказать, за всякой мелюзгой вертлявою гоняться по грядам – невместно и несо-образно достоинству огородника. И как догнать, ежели пры-гает из параллельности в параллельность и вертится? Только грядку вытопчешь.

– ...колья с побегопредупредителем! Оплата по первому побегопредупреждению! – жужжал мелькалец и вил спирали в опасной близости от третьей гряды клубней.

– Пшёл!.. –дохнул на него Огородник издали, опасаясь, как бы не повредить полисфере, но тут до него дошло: «Ко-лья? Колышки? Не о них ли мне говорили давеча? Напрасно я прогоняю этого».

Но мелькальцы одним дыханием не изгоняются.

– Охранная сигнализация! – зудел вертлявый и всё ближе подбирался к осеменённому клубню.

– На кой сиг мне твоя нализация?! – с раздражением мол-вил огородник. – Говорили мне, что надобны колышки, но

зачем – не сказа...

– Коля с побегопредупреждением! Тей-йя! – визгнул мелькалец, расслоился во всей многомерности, да как вжарит в клубень по касательной!

Внутри у огородника тяжело ухнуло, как будто это ему попало в бок. От удара плоть из клубня брызнула вместе с жидкостью, взвихрилась, сгустилась малым шариком и вокруг полисферы заспирала не хуже вредного мелькальца. А самого мелькальца не стало, то ли в ничто схлопнулся, то ли в полисферу вмазался, а может, остался навечно в малом шарике.

Разъярился Космогон – видано ли? – полисфера от ударной порции взбухла, а чепуха эта мелкая вокруг неё вращается, будто подвязана. Аж рябит от этого вихрения и влага на полисфере волнуется.

«Подвязана?» – спросил себя Космогон и припомнил, что в «Наставлениях» рекомендовано росток подвязывать, но к чему и как – не указано.

«Так ведь я же сказал мелькальцу о колышках! – сообразил он. – И по слову моему исполнилось, вбились колышки. Да как ровно! Во всех параллельностях! Вкруг каждой сферы по шарiku! На каждом шарике печать треугольная, да так хитро поставлена – точнёхонько против клубня, ближе некуда. То-то он верещал о побегах и предупреждении... Жаль мелькальца, погиб безвременно».

Настоящей жалости огородник не испытывал, а по раз-

мышлении здоровом решил, что таково и было мелькальца предназначение – погибнуть во имя гона светлого у ручья Орионова. Так ли, нет ли, и не было ли подвоха злоумышленного в том столкновении тел, – разбирать не стал Космогон, а снова за писание принялся.

Дневник Космогона-Огородника

И призадумался я, Космогон-Огородник, хорошо ли, что клубень вращается в лучах корнесветовых вяло, боком подставлен, а иной стороною во тьму окунается. Заплеснеет клубень прозеленью, заведутся в плесени мелкотелые, о чём они будут во мраке задумываться? Слиться захотят ли, когда приспеет время плодотворное? И сказал я: «Надобен колышек во каждой параллельности, чтобы тьму рассветлял и на мысли наводил плодотворные. И явилось по слову моему светило, коему мною назначено во тьме быть светочем, равнять мягкотелых жителей помыслы и склонять их ко счастливому слиянию.

И сказал я, что это хорошо. И стало хорошо по слову моему. Но тут заметил я, что минул за трудами моими в Молочной провинции день второй.

Трудности перевода. Интермедия

Переводчику не откажешь в чувстве юмора. Знал бы я его хуже – непременно решил бы, что приложенный к посланию текст не перевод вовсе, а компиляция космогонических мифов, древних и современных, составленная с известной долей ехидства. Однако ни в одном из четырёх смысловых слоёв, обнаруженных мною в сопроводительном письме, не было заметно ни капли иронии, а неподдельное беспокойство – напротив, присутствовало. Зачем же тогда ему понадобилось обзывать галактику Молочной провинцией?

Обыкновенно корреспондент мой – сама точность, как в формулировках, так и в определениях. Понятно, почему он не воспользовался человеческой научной терминологией, – она противна его природе. При первом же знакомстве он однозначно дал понять, что не желает употреблять наши обозначения, исключая разве что некоторые математические примитивы, и те по крайней необходимости – надо же хоть шаткий понятийный мостик перебросить через пропасть непонимания. По скрытым полунамёкам я установил, что наша физика его смешит, особенно передовые гипотезы, химия кажется ему жалкою, биологию же этот субъект вообще считает разновидностью живописи. И неудивительно. Если биологи отказываются считать вас живым, химики не понимают, откуда вы берёте питание, а физики полагают,

что вас не может быть в принципе, — скептицизм ваш относительно их аксиоматики понятен.

Притом врождённый такт не даёт моему волновому преобразователю и реликту позволить себе хотя бы намёк на превосходство передо мною, как и перед любым другим мыслящим существом. Считает равным априори, в общении обходит разногласия и всеми силами разума пытается найти точки соприкосновения.

Он прекрасно знает нашу историю, недурно ориентируется в литературе и музыке, но языки изучает лишь по необходимости — для общения с отдельными индивидами. С лингвистикой у него странные отношения. Он считает её не наукой, а искусством. Всякий раз, когда переводчику требуется вступить в контакт, он изучает особенности мышления партнёра, его вкусы и предпочтения, затем создаёт метаязык, оптимально подходящий для конкретного сообщения и только после этого начинает разговор. Построенный массив лексики и языковые конструкции использует лишь однажды и до новой встречи не сохраняет, ведь оба контактёра изменчивы, значит, нужно менять и средства коммуникации. При таком подходе каждый акт общения действительно сродни производству искусства. Первое время такой подход казался мне интеллектуальным транжирством, но постепенно я привык. Научился ценить труд моего реликтового переводчика и поэтому каждый полученный от него текст изучаю с должным почтением, дотошно. Всеми силами разума стара-

уюсь проникнуть во все смысловые слои уникального послания.

Признаюсь, на сей раз было над чем поработать. Натурально, дым валил у меня из ушей к одиннадцатому часу битвы с текстом о Космогоне-Огороднике. Я составил хронологическую таблицу, провёл сравнительное феноменологическое исследование, попутно строя таблицу терминов. Стол завален был раскрытыми в нужных местах справочниками по астрофизике. Кое-что по квантовой теории поля я тоже держал поблизости, на полу веранды, вдруг понадобится. Закладки поисковой машины теснились, не помещаясь в панели задач, к одиннадцатому часу сражения. И тут я понял, что нужно прерваться. Не только потому, что мозги закалились, как у крупнотелого вялдумца силиконового, и шевелились с натугой, разве что не скрипели каменно, и не устал я, – просто забеспокоился. Случайно наткнулся на некую мелочь, она засела занозой, не давала сосредоточиться. Я отложил диаграмму Герцшпрунга – Рассела, обхватил голову руками и тупо уставился в текст: «...светило, коему мною назначено во тьме быть светочем, равнять мягкотелых жителей помыслы и склонять их ко счастливому слиянию...» Нет, не то. Унизительно, когда тебя называют мягкотелым и хотят принудить к слиянию, но не в этом суть. Что меня задело? Выше? «Побегопредупреждение» и что-то там было ещё про обрезку побегов. Непонятно, но может, пока и не должно быть понятно, это ведь только начало, текста все-

го лишь треть проработана. Что меня насторожило? Рассуждения о колышке? С ним всё ясно – Луна это. Я повернул голову. Полноликая Диана равнодушно глядела на меня из тёмного закоулка, бесстрастно, как и на прочих думотериев. Блин на чёрной сковороде. Колышек. Бледный лик, изъязвленный столкновениями с телами большими и малыми, виден был отчётливо. Моря, кратеры. Близо, значит. Ближе некуда. И тут я понял, что меня занозило. «Вкруг каждой сферы по шарик! На каждом шарике печать треугольная, да так хитро поставлена – точнёхонько против клубня, ближе некуда». Меня пробрал озноб, хоть и не было холодно. Вспомнил, при каких обстоятельствах впервые обратил внимание на треугольное клеймо, странный оттиск на лунной поверхности. Надо было освежить в памяти свидетельство очевидца. Я убрал с экрана всё лишнее, порылся в архиве, отыскал тот файл и стал читать о побеге Вавилова, всё ещё надеясь, что совпадение случайно, а страхи беспочвенны.

Побег первый. Тет-а-тет с одиночеством

Тени

Симпсон прислушался. Минут пять назад батарея тонкостенных стаканов, парадно выстроенная в лотке разливочного автомата, негромким дребезгом отозвалась на сотрясение. Но и не случись этого – чуткий к малейшей вибрации инженер-строитель привычно отметил бы: началась загрузка, второй контейнер с «унитрансом» вошёл в пазы обоймы. Есть стыковка. Какие-нибудь минуты – и всё. Звякнут под барной стойкой стекляшки, отмечая закрытие створов, а это значит, что регламент выполнен, пора домой. Часы над входной аркой поставлены по среднеевропейскому времени, на них семь пятьдесят две пополудни. Линда, будь у неё феноменальное зрение, смогла бы увидеть сверкающую капельку посреди Центрального Залива и рядом с нею чёрную громаду «Гефеста». Луна в последней четверти, терминатор уже отрезал от Sinus Medii немалую долю, тени удлинились, лучшего времени для визуальных наблюдений не придумаешь. Но даже будь у Линды вместо глаз менисковые телескопы большой мощности, разглядеть мужа под зеркально-сверка-

ющей кровлей ей не под силу. Наверняка, она и не пытается. Вернулась из супермаркета, паркует сейчас машину, ворча, что жене строителя не пристало ездить на развалюхе и жить на развалинах. Гаражные ворота заедают ей век. Узки и не с первого раза открываются. Где уж тут вести за Луной наблюдения.

Инженер, сдерживая улыбку, хмыкнул, повернулся на высоком табурете и облокотился о столешницу из фальшивого мрамора, подперев ладонью щеку. «Побриться бы», – лениво подумал он и хотел устроиться с удобством, но под стойкой снова задребезжало стекло. Симпсон встрепенулся и косо глянул на часы. Без пяти, точно по регламенту. Значит, двойная премия. Будет чем задобрить Линду. Где там Пьер? А, ну да, ему ещё надо задействовать автоматику синтезатора, то да сё...

– Соль-до! – прозвучал из-под полированной панели рояльный голос, радуга огоньков за тёмным стеклом зажглась, погасла и замерцала, переливаясь цветными волнами, – синтезатор ожил, проверил собственное самочувствие и показал полную готовность принять заказ. И тут же в отдалении хлопнула дверь.

– Пьер? – спросил Симпсон, вытягивая шею, будто мог заглянуть за угол.

Коридорный зев озарился, световой язык лизнул кремовые плиты пола; и в полутёмное ресторанное помещение вынесло эхо шагов.

– Нет, не я. Тень моего славного прадеда, – симулируя раздражение, отозвался из коридора Монтескью.

Он ворвался в зал, швырнул на стойку планшет, крикнул в потолок: «Ради чего затемнение? Ждём налёт?» – шустро взлетел на табурет, захлопал ладонью по мрамору, взывая: «Бармен! На два пальца очищенной!»

Инженер поморщился. За неделю эксцентричный помощник надоел горше пускового регламента.

– Анализы смотрел? – спросил Симпсон, следя за голосом, чтобы, упаси бог, тоном не выдать неудовольствия.

– Ослиную мочу пополам с дерьмом вместо «унитранса» подсунули, как и всегда, – хохотнул Монтескью, тыча пальцем в планшет, в подсвеченную зелёным надпись «Качество пасты соответствует норме». – Знаешь этот анекдот? Ваша лошадь больна диабетом. А?! Ха-ха! Люк, ты понял, что показали анализы?

Помощник от избытка чувств толкнул шефа в плечо, тот снёс фамильярность безропотно. Пьер, очевидно, был в восторге от порции соли, растворённой в бородатом анекдоте. «Лучше не отвечать, – решил Симпсон, – иначе правнук благородного прадеда пустится в объяснения, а этого не хотелось бы. Шуточки плоские... В печёнках уже. Кстати, надо бы выяснить, не его ли рук дело. Не он ли вчера устроил? А что?.. Очень на него похоже – разыграл, а я дёргаюсь. Или не спрашивать?»

– Не желаешь ли сам опробовать? – не унимался Пьер. –

Доверяй, но проверяй! Анализы анализами... Долой автоматику, да здравствуют вкусовые пупырышки! А?! Ха! Закачим пирушку на манер презренного выскочки де Баца, что бы там ни думала тень моего прадеда! Эй, бармен! Бургонского! Но чш-ш! Прадед может обидеться!..

Пьер сделал круглые глаза и зашептал на ухо начальнику, азартно ёрзая на табурете:

– У предка вздорный нрав. Чуть что поперёк скажешь, сейчас за трость, а в трости у него шпага. С ним шутки плохи, он масон. Я не рассказывал? Вспыльчив как чёрт, стоит при нём помянуть де Баца, лезет в бутылку. Чш-ш!.. И при этом всюду за мною таскается, даже на Луну. Хоть он и призрак, а всё-таки мог в отместку за непочтительность сунуть свой великолепный нос в настройки автоматики. Ты не заметил ничего странного?

«Точно, его проделки, – кипя негодованием, подумал Симпсон. – Нарочно подбросил запись, чтобы напоследок устроить этот балаган».

– Хватит кривляться! – сдерживаясь, чтобы не грохнуть кулаком по столу, гаркнул он. – Младший инженер Монтескью, извольте объяснить ваши действия!

Пьер всё ещё тарашился на своего начальника, но больше не скалился, губы кривил в неуверенной улыбке.

– Какие действия? Ты о чём? – после недолгого молчания спросил он. Удивление его казалось искренним.

«Лицемер», – прокомментировал про себя Люк. Никак не

мог справиться с раздражением – накопело.

– Не знаешь? – прошипел он. – Значит, клип в медиацентр не ты залил, а тень твоего прадеда. Не ты, а он возился с медиаредактором. Конечно! Выходит, это он снимал потоки с камер наблюдения. Твой предок был видеоинженером?!

– Погоди... Какой клип? Почему видеоинженером? Он был социологом, занимался политикой, – лепетал Пьер. – Потоки с камер? Зачем?

– Я тебя об этом хотел спросить! – взорвался Симпсон – Зачем?! Наверное, затем, чтобы устроить явление призрака! Какого дьявола тебе понадобилось рядить меня в сутану? Что за дурацкие намёки?

– Су... сутану? – ошарашенно переспросил Монтескую.

– И на голову напяливать идиотскую красную шапочку! – добавил, сверля взглядом подчинённого, Симпсон.

Но помощник инженера овладел собой, тарашиться бросил, заговорил рассудительно:

– Не кричи. Давай спокойно. Кто-то снял потоки с камер, отредактировал и слил в память медиацентра? И ты думаешь, это я. Слушай, ты меня не разыгрываешь? Клянусь тенью моего... Ну всё, всё. Не буду больше. Клянусь чем хочешь, это не я сделал. Ты вытер?

– Оставил для истории, – огрызнулся Люк. – Вытер! Я даже не знаю, как это делается.

– Ну-ка, – сказал Пьер, слез с табурета и направился к пульта медиацентра.

Затеплились под высоким потолком, разгорелись молочным светом лампы-шары, тьма бежала, засияли плиты пола, миллионами искр засверкал бутафорский металл отделки, никелевые и чернولاковые блики облили «Форд-Т» – раритет, по дикой прихоти оформителя украшавший собою торговый зал единственного на Луне ресторана быстрого питания «BlinOk».

Ни инженер, ни его помощник не обратили внимания на великолепие отделки. Первый с нарастающим изумлением следил за действиями второго. «Если не Пьер, то кто же учинил эту пакость? Ведёт себя так, будто и впрямь не верит. Что там у него получается?» Симпсон спрыгнул со своего насеста и подошёл ближе, чтобы не упустить момент, – в глубине души по-прежнему надеялся, что всё это розыгрыш и шутник теперь замечает следы, пользуясь случаем.

– Что? – спросил он коротко, отметив: Пьер ничего такого не делает. Два или три раза всего тронул клавиши и разглядывает экран пульта искоса, наклонив голову.

– Ничего. Ничего тут нет. Им ни разу не пользовались. Вот журнал, смотри. Ты-то сам как включил видео?

– Само включилось, – неуверенно ответил Симпсон, думая: «Не могло же мне померещиться?»

– Люк, дружище, а тебе не показалось? – словно бы угадав мысли, участливо осведомился Монтескью. – Ну ладно, только не лезь на стену. Давай по порядку: что видел, когда?

Симпсон стал рассказывать бесцветным тоном, негром-

ко, что проверял накануне журнал отладки системы искусственной гравитации здесь, в этом зале. И вдруг кто-то спросил его, что, мол, делаешь? Он сначала машинально ответил: «Сам не видишь? Вожусь с гравитатором», – и тут сообразил, что спрашивать некому.

– Это было в два с минутами, ты как раз ковырялся с задвижками водопровода.

– Было дело, – подтвердил Пьер. – Там, понимаешь ли, что с ними получилось...

– Да подожди ты со своими задвижками! Ты, значит, вышел, я здесь один остался. Не сам же я себя спросил? Не хотелось потерять строку в отчёте, потому сперва поставил метку в планировщике, а уж потом поднял голову. Огляделся, вижу – включено видео, и с экрана на меня... Я не сразу понял, что за тип. В голове, сам понимаешь, грависенсоры и загрузка реактора. А он спрашивает... Слушай, сейчас только понял! Он же со мной разговаривал! Спросил, что за беда с гравитатором. Я в ответ – как всегда, превышение нормы загрузки. Сказал, а сам думаю: на кого он похож? Сутана красная, шапочка красная... Он что-то ещё спросил, не помню. Потому из памяти выскочило, что узнал – это же я сам! И голос похож, только выше. Ну, ты же знаешь, так всегда бывает – свой голос в записи чужим кажется.

– Мда-а, – задумчиво протянул помощник инженера. – Плохи твои дела, Люк. То-то я смотрю, ты какой-то дёрганный.

– Думаешь, это бред, галлюцинация? Не может быть! Я же... Да нет, ты не понимаешь. И до, и после всё было в полном порядке! Поговорили, я опять отчётом занялся.

– И это, по-твоему, нормально? – спросил, поднимаясь, Пьер. Отключил панель медиацентра и повернулся к начальнику, заложив руки за спину. – Нормально такое увидеть, и потом, как будто так и надо, уткнуться в отчёты?

– Да я же решил, что это твои фокусы! – возвысил голос Симпсон.

– И чем беседа закончилась? – Монтескую счёл за благо увести разговор в сторону, думая: «Не психанул бы он опять».

– Да ничем. Я сказал: «Монтескую, а не пошёл бы ты...» Ну, говорю же, решил – ты меня разыгрываешь с этим видео.

– А он?

– Кто? А, этот в сутане... Когда я снова глянул на экран, там было пусто.

– Ну и ладно, – подытожил помощник инженера. – Пусто так пусто. Лучше скажи, будем снимать пробу? Не мешало бы проверить синтезатор в действии. Эгей! Бармен!

– Да ну тебя... – проворчал Симпсон, отвернулся и пошёл к лестнице на смотровую площадку.

«Оставлять его нельзя, – сказал себе Монтескую, глядя в спину начальнику. – Не выкинул бы чего. Жаль его, хороший дядька, хоть и дёрганый. Стервятники из управления узнают об этом случае – спишут вчистую. Может, не докладывать?»

Когда Пьер поднялся на второй этаж, Люк уже сидел, развалившись, вытянув далеко ноги, возле одного из круглых столиков. Руки закинул за голову, смотрел в зенит. Надо было как-то заговорить с ним, только без шуток, сказать что-нибудь нейтральное.

– Чего мнёшься? Садись, – буркнул Симпсон, не шевельнувшись. – Полюбуйся на неё. Всё равно, пока заказчик не явится, делать больше нечего.

Пьер не сразу понял, что речь о Земле. Один раз всего и глянул на неё с неделю назад, сразу после посадки. Правду сказать, за пусковой суматохой побриться было некогда, не до астрономии, когда летит к чертям график работ. Он отодвинул лёгкое кресло, уселся и по примеру начальника вытянул ноги. Задрал подбородок, при этом как-то само собой вышло, что руки под головой. Вверху, за двойным пузырьрём купола, в радужном ореоле – бледно-голубое, пёстрое яблоко с отрезанным боком. Почти в зените.

– Что он за фрукт?

– Заказчик? – лениво переспросил Симпсон. – Русский.

– Это я знаю, – проворчал помощник инженера и выпрямился в кресле. Шею ломило от идиотской позы, и вообще, деятельному человеку скучно светила разглядывать. Он продолжил с лёгким раздражением:

– И все это знают. Ты ещё расскажи, сколько он за прошлый год заработал и почему со второй женой развёлся. Я спрашиваю, что он за человек? Ты же, кажется, говорил с

ним перед отлётом?

– Через переводчика. Он по-английски ни слова не понимает.

– Говорят, он туповат, – понизив голос и наклонив голову, произнёс Пьер.

– Я бы не сказал. Напорист, это есть. На быка похож, смотрит на тебя исподлобья, того и гляди боднёт. Мы вообще-то говорили недолго, но... Мне показалось, он по натуре одиночка. Один против всех, понимаешь?

– Все они, нувориши, такие, – с пониманием кивнул Монтескью. – Все на быков похожи или на медведей. Ищут, кого бы подмять или на рога поддеть. Конкистадоры. Не понимаю, зачем его сюда понесло.

– Не понимаешь? – Симпсон оторвал, наконец, взгляд от родной планеты. – Вот потому-то он здесь останется, а ты смоешься туда.

– Он здесь останется, потому что денег девать некуда, а мозгов за них не купишь, – сказал Пьер. – Ты так говоришь, будто бы сам с удовольствием здесь остался.

«Обиделся», – отметил про себя инженер и проговорил со вздохом:

– Может, и остался бы, чтоб не пришлось братья дома за строительство.

Пьер хохотнул, покрутил головой и с издевкой:

– Эти женщины! Ты потому и устроился в «Moon Attraction»?

– Нет, – спокойно ответил Люк. – С детства мечтал о космосе. Но родители хотели видеть меня учёным. Я сын математика, внук математика, правнук... И так далее. Но кому сейчас нужны математики? И потом – Линда, дети... В общем, пришлось как-то устроиваться. Но когда начальство заварило кашу с «Moon Attraction», я долго не думал.

Пьер прищурился, наклонил голову. «Поддеть собирается, – обречённо подумал инженер Симпсон. – Господи, как он мне надоел!»

– А как по-твоему, – тоном шоумена спросил Монтеस्कью, – мечтал ли заказчик наш господин Вавилов о космосе? Пусть даже в детстве. А? Лет в семь хотя бы думал он о чём-нибудь, кроме денег? Или сразу, как бросил пачку подгузники, захотел обирать таких как ты математиков?

– Об этом у него спроси, – огрызнулся Люк Симпсон. – Скоро тебе представится такая возможность. Вон он спускается в дыму и пламени.

Монтеस्कью глянул туда, куда указывал начальник, и увидел ртутно-сверкающий в лучах закатного солнца шарик. Казалось, тот сползает по округлому куполу, как первая капля дождя по лобовому стеклу авто.

– Кессон! – спохватился помощник инженера. Вскочил, засуетился, ссыпался по лестнице, прокричал снизу: «Я сейчас!.. Тест прогоню!.. Рециркуляция!.. Давление!..»

– Давай-давай, – лениво проговорил инженер.

Вставать не хотелось, даже пошевелинуться охоты не бы-

ло. Так бы и сидел тут, наблюдая, как меняется голубое яблоко – истончается, исчезает, выворачивается в другую сторону, полнеет...

Ртутная капля плюнула огнём, и вместо того чтобы скатиться с прозрачного бока, полезла вверх, заметно разрастаясь. Синеватый выдох дюз напоминал четыре кинжальных клинка, уставленных остриями вниз. Клипер «Актеон» акционерного общества «Moon Attraction» заходил на посадку.

Выписка из журнала обрезки побегов (hacked by WPTranslator)

Наблюдатель: Два думотерия в радиусе действия станции. Это побег.

Хранитель: Записано.

Думовед: Оцениваю духовнотелесные слепки.

Обрезчик: К обрезке готов. Жду указаний.

Думовед: Оценку первого думотерия выполнил. Одиночник светломатерчатый, углеродец мягкотелый, кислзависимый, задумчивый, средневолновой одушевлённости. Духотип сильновозбудимый слабозаторможенный. Обособленность ниже среднего. Слиятельность выше среднего. Склонность к захвату не выявлена.

Хранитель: Записано. Жду полную карту памяти.

Думовед: Оценку второго думотерия выполнил. Одиночник светломатерчатый, углеродец мягкотелый, кислзависимый, задумчивый, средневолновой одушевлённости. Духотип слабовозбудимый, слабозаторможенный. Обособленность выше среднего. Слиятельность ниже среднего. Склонность к захвату не выявлена.

Хранитель: Записано. Жду полную карту памяти.

Обрезчик: Резать?

Судья: Нет. Недостаточно данных. Эффективность обрезки не выяснена.

Думовед: Перехожу к тонкому душевному изучению. Нуждаюсь в определении очерёдности.

Судья: Назначаю первоочередным второго думотерия.

Думовед: Проверяю самосознание думотерия. Выявляю обособленные участки памяти. Располагаю в порядке обособления и связности. Строю шкалу страхов и вождедений. Выбираю основу самосозерцания думотерия. Недостаточно данных. Прошу разрешения пополнить основу.

Судья: Разрешаю.

Думовед: Интерполяция или экстраполяция?

Судья: Экстраполяция.

Думовед: Прошу память всех доступных особей.

Хранитель: Карты памяти думотериев такого типа не найдены. Жду полную карту памяти первого думотерия. Жду карту памяти второго думотерия.

Думовед: Использую для экстраполяции доступную мне память первого думотерия. Основа самосозерцания составлена. Выбираю внешнее представление. Нуждаюсь в выборе способа контакта. Образный или логический? Прямой, волновой или симуляторный?

Судья: Образный симуляторный.

Думовед: Составляю звуко-визуальную симуляцию. Нуждаюсь в технической поддержке для передачи симуляции думотерию.

Техник: Частоты? Способ симуляции?

Хранитель: Нет данных. Жду полную карту памяти пер-

вого думотерия. Жду карту памяти второго думотерия.

Техник: Жалоба Верховному.

Судья: Жалоба отклонена.

Техник: Снимаю с себя ответственность за последствия.

Сканирую волновую картину. Ритмичная несущая найдена.

Модулирую. Информация отправлена.

Думовед: Реакция на диалог парадоксальна. Чувственный ряд: безразличие, заинтересованность, удивление, испуг, осознание, безразличие. Передаю подробно для фиксации контакта. Карта памяти первого думотерия считана полностью.

Хранитель: Записываю. Чувственный ряд контакта зафиксирован. Карта памяти первого думотерия принята.

Думовед: Контакт отвергнут. Оценка угрозы побега выполнена. Побег неопасен.

Обрезчик: Резать?

Думовед: Нет.

Судья: Мотив невмешательства?

Думовед: Нецелесообразность. Думотерий вялодумен. Вмешательство демаскирует станцию.

Обрезчик: Жалоба Верховному.

Судья: Жалоба отклонена.

Думовед: Карта памяти второго думотерия считана полностью. Коррекция оценки побега выполнена. Степень опасности понижена. Предлагаю игнорировать побег.

Судья: Мотив невмешательства?

Думовед: Ничтожность.

Судья: Побег игнорирован как ничтожный. Внести запись в журнал. Продолжать наблюдение.

Хранитель: Записано.

Наблюдатель: Продолжаю наблюдение.

Техник: Всем-всем-всем, невзирая на лица. Если до следующего побега не будут получены данные о технической оснащённости думотериев...

Конец выписки

Прилунение

– Внимание, начинаю торможение перед посадкой! – предупредил капитан Росс и потянулся к ходовой рукояти. «Говорю как в пустоту», – подумал он, мягко нажимая на ручку.

Но на этот раз ему ответили.

– Бросьте, Джош, – воркотнул в наушниках глуховатый голос. – Я же просил вас...

Тело налилось тяжестью.

– Высота две тысячи пятьсот, скорость потери высоты пятьдесят четыре. Покидаю орбиту снижения. Двукратная перегрузка, две секунды, – сказал капитан Росс.

Клипер тряхнуло. Двукратная – ерунда, с нею даже не раскланиваются. Росс привычно удержался от кивка, мельком глянул на терминал и тут же вернулся к экранам радара, машинально шевельнув рукоятью распределения тяги раньше, чем успел понять – по крену минус пять, надо исправить. Синий радарный маркер скользнул в перекрестье, капитан «Актеона» уменьшил тягу так, чтобы снижаться с постоянной скоростью, и сказал, не удостоив взглядом альтиметр:

– Высота тысяча пятьсот, скорость потери высоты восемнадцать, приступаю к корректировке курса.

Считывать курсовые поправки – обязанность штурмана, но в кресле, установленном позади пилотского, никого не было. Единственный пассажир «Актеона» не пожелал вос-

пользоваться любезным предложением «Moon Attraction» и сыграть роль передаточного звена между бортовым компьютером и пилотом. Поступок для туриста, заплатившего бешеные деньги за перелёт, по меньшей мере странный, решил Джошуа Росс, когда услышал, что мистер Вавилов не хочет побыть штурманом, а за посадкой понаблюдает из пассажирского салона, там, мол, видно лучше. Слов нет, обзор с места пилота отвратительный, а со штурманского – хуже не придумаешь. Кому-то из дизайнеров пришла в голову блестящая идея – декорировать пост управления клипера под кабину лунного модуля кораблей серии «Аполлон». Не зря её тогда участники миссии «клопом» обзывали – сплюснутая, тесная, а два скошенных иллюминатора действительно похожи на глазки насекомого. «Спасибо, хоть не заставили стоять, как Нила и Эдвина», – сказал управляющему капитан Росс, когда впервые увидел, в каких условиях придётся работать.

Впрочем, размер «окошек» не интересовал Джошуа. Пилоту клипера они вообще не нужны – бутафория, как и многое другое на посту управления. Для того предназначены, чтобы храбрый турист не скучал в штурманском кресле, когда капитан клипера станет выполнять поворот по крену на сто восемьдесят градусов.

– Высота шестьсот двадцать, цель справа по борту двадцать четыре. Разворот на правый борт.

Капитан Росс говорил по-русски почти без акцента. Букву «р» слегка смягчал, отчего сперва показался Вавилову

рохлей. Но в рейсе, познакомившись с капитаном поближе, Илья Львович вынужден был признать свою ошибку – Джош оказался твердолобым службистом, упрямым, хоть и симпатичным упрямым. Управляющий представил его как лучшего и опытнейшего капитана акционерного общества «Moon Attraction», и Вавилов принудил себя поверить этому, хоть и заподозрил, что капитана Росса поставили в рейс просто потому, что кроме него никто не говорил по-русски. Подозрительность – сквернейшая черта характера, но что поделаешь, в большом бизнесе иначе нельзя. Если недоверие к ближнему своему, равно как и к дальнему, не превратится во вторую натуру – съедят. Причём, скорее всего, как раз ближние. Им проще. Вавилов скривил губы – припомнил травлю с загоном, которую устроила ему Джина. Блистательный бракоразводный гешефт, увенчавший превосходно спланированную и проведенную безупречно финансовую операцию – замужество. Джина молодец, времени даром не теряла, за полгода управилась. Ни одного лишнего действия, как метательница молота, – окрутила, раскрутила и бросила. Припомнив некоторые обстоятельства броски, Илья Львович ощутил приступ тошноты. «Это от болтанки» – сказал он себе и, чтобы отвлечься, глянул в иллюминатор правого борта. Иллюминатор – неудачное название. Огромный выпуклый фонарь во всю стену и даже часть потолка захватывает, лишь тонкая перемычка между ним и левым иллюминатором. Чувствуешь себя, как насекомое в банке. И кажется,

склянку раскручивают, чтобы швырнуть на изъеденное оспинами, морщинистое серое взгорье и разбить вдребезги. «А говорили, участок ровный, – брюзжал про себя Вавилов. – Видно же, что с уклоном!.. А, ну да. Этот же сказал, разворот на правый борт, потому и кажется, что склон. Значит, справа уже должна быть видна моя берлога. Ну и где же? Солнце садится, тени длинные... А, вот она».

Вавилов не успел рассмотреть ресторан как следует, тот уполз из виду. Почудилось, что на купол напало гигантское членистоногое животное, но видно было плохо – сверкающая капелька на гребне холма и к ней присосался чёрный призрак. Небо тоже чёрное. «Чёрное на чёрном... Нет там ничего, просто игра теней. Да ещё и видно плохо. В дымке всё, как будто пыль ветром подняло. И внизу тоже. Э! Что-то тут не так! Какой на Луне может быть ветер? Не пудрят ли мне мозги?»

– Эй, капитан Росс! – позвал Вавилов таким тоном, каким некогда крутой парень по кличке Вавил, владелец сети закусовых «Закуси!» разговаривал с отжимателями. – Джошуа! Там, блин, внизу, как я вижу, поднимается ветер? Пыль посадке не помешает? А, кэп?!

– На Луне не бывает ветра, – спокойно ответил капитан Росс.

– Может быть, мне кажется? – вкрадчиво продолжил Илья Львович, пытаясь отстегнуться. – Может, блин, я тупой? Но что тогда пылит, если не ветер?

– Солнце садится. Вблизи терминатора всегда поднимается пыль. Статическое электричество. Посадке не мешает. Цель прямо по курсу. Высота двести, скорость потери высоты восемнадцать, – бубнил капитан с равнодушием торгового автомата. – Двукратная перегрузка, полторы секунды.

Вавилов оставил в покое пряжку страховочного ремня. Всё равно не получалось расстегнуть – что-то заело.

– Экстракла-асс, – негромко нудил себе под нос Вавилов. – Ремень, блин, нормальный пожмотились поставить. А если авария? Жулики. Электричество у них, блин, статическое. И с кратером напарили. Учёные. Грузили же когда-то, что ближайшая к Земле точка должна быть там, где треугольный кратер. Этого, как его? Укерта.

С этим Укертом вот какая история вышла у Ильи Львовича. В юности, шатаясь по модному тогда Интернету, где-то прочёл, что есть на Луне загадочные места и бывают всякие загадочные явления. Вроде бы имеются даже брошенные инопланетные города и всякие здания. Башни какие-то. В инопланетные корабли, якобы виденные при посадке Армстронгом, Илья не поверил, потому как в той же статье писали (и приводили тучную тучу доказательств), что американцы на Луне и вовсе не были, и вся лунная миссия – развод чистой воды. Поскольку проверить возможности не было, пришлось выбросить из головы и Армстронга, и корабли пришельцев – Вавил терпеть не мог, когда ему вешают лапшу на уши. Но кратер... Его Илья хорошо рассмотрел в телескоп

– дал бабок одному учёному ханурику, тот показал. Точно, кратер треугольный, на глаз – в самом центре Луны. Место, где расположен, так и называется – Центральный Залив. Треугольник на серебристом фоне запал в душу, Илья на всю жизнь крепко запомнил название – кратер Укерта. Тогда ещё подумал: нельзя ли дать кому-нибудь бабок, чтобы переименовали в кратер Вавилова? Но справляться об этом у ханурика учёного постеснялся, вдруг бабок стоит немерено, а спросить и не иметь при этом возможности отбашлять тут же, не морщась, показалось Илье Львовичу ниже собственного достоинства. Но как же всё-таки круто! Треугольный кратер в самой ближней к Земле точке! Координаты, значит, должны быть ноль-ноль! Подфартило этому Укерту, думал тогда Вавил. И вот, много лет спустя, ему говорят, что всё это тухляк. И кратер не совсем треугольный, и координаты не ноль-ноль. Кому же верить? Было же чёрным по белому в Интернете написано – если, стоя в этом самом кратере, поднять голову, то Земля будет всегда точно в зените. Когда в переговорах с «Moon Attraction» дело дошло до выбора участка, Илья Львович назвал кратер и сказал: «Чтоб координаты были чётко ноль-ноль, и чтоб Земля была всегда в зените». А скользкий типчик, их торговый представитель, заюлил: «Выберите что-нибудь одно – кратер Укерт или два нуля». И пошёл плести, нет-де на Луне места, где Земля всегда точно в зените, из-за какой-то либрации-вибрации, а кратер вообще в стороне. И стал показывать карту и убеждать, что на

глаз легко ошибиться градусов на пять и что при невысоком разрешении Укерт действительно кажется треугольным, но вблизи... Слушать этого хитровыдранного умника было противно, тот как с идиотом разговаривал. Видно же безо всякого телескопа – наплевать ему, где на Луне будет ресторан «BlinOk». И Вавилов решил – ладно. Хрен с ними с двумя нулями, если всё равно Земля не всегда в зените. Тот или не тот кратер, будет видно при посадке.

– В договоре пропишем кратер Укерта в Центральном Заливе, – потребовал Вавилов, машинально прикидывая, сколько слупить с «Moon Attraction», если подсунут не тот участок.

– В Sinus Medii? – с готовностью переспросил ушлый представитель.

– Не силён я в синусах, но, само собой, во всех ведущих медиях прозвучать должно. Вы поняли? Это же и в ваших интересах, чтоб широко стало известно – Илья Вавилов продал свою долю в земной сети «BlinOk». Илья Вавилов купил участок на Луне. Илья Вавилов собирается развивать лунную сеть ресторанов «BlinOk», и не только лунную. Неплохо бы и кратер переименовать в кратер Вавилова.

Но выяснилось, что Синус Медии – это Центральный Залив на латыни, и с кратером дело не выгорит. Во-первых, есть уже один кратер Вавилова в честь какого-то учёного однофамильца окрещённый, а во-вторых, кратеры, оказывается, не переименовывают ни при каких условиях и ни за ка-

кие бабки. Даже если сам Господь Бог захочет, чтобы кратер Укерт получил имя Господа Бога, ничего у него не получится.

Свежеиспечённый владелец лунного участка не стал настаивать, всему своё время. Договор вычитали юристы, юристов проверили аудиторы, после чего с аудиторами имел беседу сам Илья Львович, и его заверили – с юридической точки зрения договор безупречен. Прекрасно понимая, что безупречных договоров не бывает, Вавилов решил привлечь экспертов, чтобы пробили тему в научной плоскости. Те возились неделю, засим устроили конференцию, на которой Илья Львович негласно присутствовал. Как ни странно, выводы экспертной комиссии его удовлетворили. Второго кратера с таким названием на Луне однозначно не было, состояние же грунтов, вызвавшее у высоколобых разногласия, будущего владельца участка не интересовало, поскольку подрядчик уверял, что вне всяких сомнений на площади в сто квадратных километров отыщет площадку, пригодную для строительства. Вавилов настоял, чтобы договор подряда сделан был неотъемлемой частью общего соглашения, а затем натравил на «Moon Attraction» свою страховую компанию. В общем, всё было сделано на уровне. Можно было не сомневаться, что ресторан будет построен там, где указано, без вопросов, и право собственности на участок и строения – железобетонное. Сделка состоялась. Вавилов вступил во владение первым в истории человечества объектом коммер-

ческой недвижимости на Луне, продав ради этого всё, что имел на Земле. Шум от сделки получился немалый; возможно, поэтому Илья Львович, покончив с формальностями, не ощутил освобождения от земной своей жизни сразу. Никогда ещё ему так не докучали папарацци, живые и электронные. Для человека, желающего отряхнуть с ног прах суетности, нет ничего хуже назойливых фотографов. И, хоть умом «первый гражданин Луны», как его окрестили журналисты, понимал – реклама пойдёт на пользу заведению, ничего кроме раздражения не испытывал.

Перед стартом им внезапно овладела апатия.

Перегрузки и тряску в орбитальном самолёте он перенёс бесчувственно.

Стыковки не заметил.

Остался безучастным, когда его, невесомого, перетаскивали по какой-то трубе на орбитальную станцию.

Из помещений станции запомнил только туалет, да и то смутно.

Потом снова была труба – по ней он поднялся... Или спустился? В общем, как-то попал на борт «Актеона».

Очнулся, только когда ему представили Джошуа Росса. Нечто такое было в манерах капитана, что не позволило оставить знакомство без внимания. Пожав Россу руку, мистер Вавилов глянул на часы и с удивлением обнаружил – со старта прошло всего лишь два часа с четвертью, а показалось – не менее суток. От невесомости подташнивало. И даже не

подташнивало, а сильно тошнило, но, очутившись на «Актеоне», Вавилов испытал прилив бодрости, клипер в натуральном виде понравился ему гораздо больше, чем на фото в рекламном проспекте. Сразу видно – построен основательно. Экстракласс. Шикарный салон с панорамным остеклением, четыре удобнейших кресла с ремнями, а в кормовой части – каюты... Выискивая, к чему бы придраться, Илья Львович отметил, что комнаты тесноваты, а кровати не выглядят удобными, и ещё эти ремни... Но брюзжать не стал – попросту не успел. Его усадили в одно из кресел, приторочили ремнями, что-то объяснили (он, не понимая, кивал) и оставили в полном одиночестве. И тут в салон заглянула Луна. Выплыла диковинной золотистой рыбой, приостановилась...

– Стыковочный узел отошёл, – буднично прозвучал в наушниках голос капитана. – Поворот по тангажу на девяносто.

Луна испуганно метнулась прочь из поля зрения, небо просветлело, по стене прошла чёткая тень от перемычки крыши, в изгибах колпака зажглись радуги. Вавилов прищурился, ожидая увидеть Солнце.

– Двукратная две минуты, – услышал он, хотел спросить, что за «двукратная», но на спину навалилось кресло, да так, что потемнело в глазах. Опомнившись, Илья Львович собрался выразить возмущение, но заметил, – темно не только в глазах. За окнами снова ночь, в ночи важно и неторопливо плывёт лунная рыба. И он смолчал, сообразив – «Актеон»

разгоняется для прыжка к Луне. Временные неудобства ради этого можно и потерпеть.

– Однократная тридцать минут, – сообщил капитан.

Вавилов почувствовал – ничто не мешает приподнять голову, и понял вдруг, что смертельно устал.

Капитан явился в салон самолично, помог расстегнуть ремни и выбраться из кресла, попутно рассказывая о какой-то инерционной орбите и убеждая, что поесть надо бы не дожидаясь невесомости, но Вавилов только помотал головой – не до жратвы и говорить нету сил. Джош дал выпить какой-то гадости и, верно, проводил в каюту, но это не запомнилось. В голове колыхался туман, и сквозь него временами прорывался голос капитана, нудил числами, как будто на мозги капал. Потом исчез и он.

Илье Львовичу приснилось, что он ослеп, онемел и не может пошевелиться. Как это иногда бывает в ночных кошмарах, крикнуть не получалось, и, даже пробудившись, он овладел собою не сразу. Всмотривался во тьму, надеясь разглядеть хоть что-нибудь; обмирая, пробовал покрутить головой, чтобы определить – лежит он или падает в бездну. Если лежит, то почему нет кровати? Почему нет под голову подушки? Почему руки и ноги не слушаются? И в пальцах иглы... Голову что-то сдавливало. «Это наушники», – припомнил Вавилов и проснулся окончательно. Руки занемели, но всё же удалось поднести к глазам часы – светящиеся стрелки показывали без минуты одиннадцать. Одиннадцать утра

или вечера любого числа неизвестного месяца какого угодно года. Час прошёл или миллион лет, не понять. Вавилова неопределённость не озаботила. Земное течение времени утратило над ним власть, и это было круто. Эксперты, юристы, представители, журналисты, шлюхи, брокеры, Джина, имиджмейкеры, кидалы, депутаты, нищebroды, – вся эта свора осталась в прошлом. Ничто не тяготило Илью Львовича.

– Тридцать секунд до начала торможения, – едва слышно прошуршал чей-то голос, как будто в оконное стекло швырнуло ветром песок. Вавилов поправил съехавшие наушники, прокашлялся и спросил: «Джош, это вы?»

– Доброе утро, мистер Вавилов, – сухо поприветствовал его капитан.

«Он меня и разбудил, – решил Илья Львович. – Полминуты назад вякнул, что минута осталась до торможения, вот я и проснулся».

– Однократная, тридцать минут, – сказал капитан Росс.

Под спиной обнаружилось что-то мягкое, голова утонула в подушке.

– Расстояние до Земли триста шестьдесят тысяч километров, – услышал Вавилов.

Попытался встать, но не смог. Дёргался, что твой угорь на сковородке, слушая галиматью о скорости и параметрах орбиты, пока не вспомнил – ремни.

– Чтоб вас... Джош! – проворчал он. – Какого было ме-

ня привязывать? Включите здесь свет, темно, блин, как в погребке.

– В условиях невесомости, – невозмутимо ответил капитан Росс, – пассажиров следует пристёгивать. Инструкция предписывает...

«Долдон», – подумал Вавилов. Чувство освобождения испарилось, раздражение росло, капитан клипера больше не казался симпатичным, вернулись давешние сомнения: «Туда ли он меня везёт? Подмешал в питье какой-то дряни, усыпил».

Под потолком вспыхнули лампы. Резануло по глазам, Вавилов зажмурился и непроизвольно дёрнулся, пытаясь подняться.

– Подождите, мистер Вавилов, я сейчас расстегну фиксаторы. Осталось двадцать пять минут однократной, можно было бы позавтракать, но я вам не рекомендую перед приземлением. Выпейте лучше энергетика. Место штурмана свободно, согласно программе перелёта вы имеете право его занять и поучаствовать в управлении клипером.

Илья принял предложенную ему бутылку, приложился, отхлебнул, морщась, жидкости со вкусом апельсиновой зубной пасты.

– И где тут у вас место штурмана? – мрачно осведомился он, глядя на капитана исподлобья.

– Много не пейте. Место штурмана в кабине управления. Желаете посмотреть?

Вавилов приложился ещё раз к пластиковому горлышку и сделал приличный глоток. Полбутылки в себя влил, думая: «Будешь мне тут указывать, сколько пить. Тьфу, мерзость какая». Он отёр губы рукавом комбинезона, навинтил на горлышко крышку, но бутылки не отдал, сказал, меряя капитана взглядом:

– Желаю. Показывайте.

Тут только обратил внимание, как внушительно выглядит Джошуа Росс в белом ангельском облачении с нашивками «Moon Attraction» на рукаве и клапане кармана, с золотозвёздными погонами, со сверкающим ободком вместо воротника. «Дылда двухметровая, восемь звёздочек», – подумал Вавил, но вслух не сказал. Покинул каюту следом за капитаном. После сияния потолочных ламп освещение салона показалось серым и тусклым.

– И Луну покажите, – сказал Вавилов в спину своему провожатому.

– Смотрите, – ответил, не повернув головы, Джошуа.

– Куда?

– Вверх.

Илья Львович последовал совету и непроизвольно схватился за спинку кресла. Серое ноздреватое поле валилось на клипер, грозя разбить к едрене фене, раздавить в пыль. Удержаться от крика получилось не без труда. Пришлось напомнить самому себе: «Он говорил торможение. Тридцать минут».

Росс терпеливо ждал у открытой двери кабины управления, пока пассажир насмотрится. Дождавшись, пропустил его на пост управления и шагнул следом, говоря:

– Место штурмана – второе. Здесь всё почти как в «Аполлоне-11». Тесновато, но кресла удобнее пассажирских. Вот ручка...

– Тесновато? – перебил Вавилов. – Да тут у тебя повернуться негде! А иллюминаторы? Как ты сажать его будешь, ведь ни хрена ж не видно! По приборам?

– Вот именно, – спокойно ответил Росс, не уловив сарказма.

«Чурка нерусская, – мысленно обозвал его Вавилов. – Опытнейший, мать его, капитан. Сидеть здесь, дышать ему в затылок? Ну нет. Я хочу видеть...» Что именно хотелось видеть Илье Львовичу, он ещё не решил. Понятно было: проспал всё на свете, и с такого расстояния не получится разобрать, тот ли кратер. И всё-таки...

– Нет, я буду в салоне, оттуда видно лучше, – заявил он.

Капитан Росс стал убалтывать, но Вавил упёрся. Салон – и точка. Джошуа пожал плечами: салон так салон. Усадил в кресло, помог пристегнуть ремни, скрылся в кабине, задвинул переборку, и двадцать минут спустя голос его пробубнил в наушниках:

– Переход на орбиту снижения. Двукратная три минуты.

– Джош, вы не могли бы делать всё это молча?.. – возмутился пассажир, но вынужден был прикусить язык – нача-

лись перегрузки.

Борясь с тошнотой, слушая осточертевшую болтовню Росса, повисая на ремнях и хватаясь за подлокотники, Вавилов смотрел. Глаз оторвать не мог от жуткого мира, где предстояло отныне жить. Язвы кратеров, морщины хребтов, чернильные тени... Всё это не имело никакого отношения к людям. Какая разница, как называется кратер? Какие вообще здесь могут быть названия? Укерт... Кто он такой? Жив или нет? Серому каменному крошеву это без разницы. «Как была вон та воронка с горой посередке, так и останется, даже если все мы надсядемся, вопя, как мы её обозвали. От наших имён ей ни жарко ни холодно. Чего я, в самом деле, нервы себе и людям трепал из-за Укерта?» Прислушавшись к собственным ощущениям, владелец единственного на Луне ресторана «BlinOk» Илья Львович Вавилов не на шутку встревожился. Не было ещё такого, чтоб исполнение или неисполнение контрагентом условий договора оставило его безразличным. И он принялся раздувать угасшее недоверие, ворчать на Джоша, ругать прижимистых строителей клипера для того лишь, чтобы вернуть себе привычное расположение духа. Но это ему не удалось.

– Высота двадцать. До цели сто.

Пытаясь хоть что-нибудь разглядеть сквозь облако пыли, поднятое двигателем, Илья Львович слушал скороговорку:

– Высота пять. До цели ноль. Ориентирую корабль. Поворот на левый борт сорок три.стыковочный узел захвачен.

Есть касание.

Серую пелену сдёрнуло, унесло жарким дыханием дюз. Вавилов на миг увидел покатуую спину купола и верхом на ней невообразимое тонконогое чудище – чёрную тушу на фоне чернильного неба, но рассмотреть не успел. Клипер развернулся на месте. Пришлось прикрыть рукой глаза – в иллюминаторе сиял срезанный до половины гребнем холма солнечный диск.

– Есть стыковка. Двигатель выключен. Прилунение выполнено успешно.

Защёлка ремня подалась. Расстегнув её трясущейся рукой, Илья не сразу нашёл в себе силы встать.

Выписка из журнала обрезки побегов (hacked by WPTranslator)

Техник: Жалоба Верховному.

Судья: Жалоба отклонена.

Думовед: Исследование памяти второго думотерия закончено. Есть противоречия с информацией, полученной ранее. Противоречие первое: фактический усреднённый уровень технической оснащённости думотериев превышает базовый ожидаемый. Противоречие второе: минимальный необходимый для данного побега уровень оснащённости думотериев выше реально достигнутого ими уровня. Противоречие третье: ментальный уровень всех зарегистрированных думотериев ниже минимальной границы побегоопасности для углеводцев. Предлагаю считать случай чрезвычайным.

Судья: Мотивировка оценки?

Думовед: Несоответствие базовой теории побегов.

Судья: Оценка отклонена.

Техник: Требуется данные о способе перемещения думотериев. Требуется данные об основном и вспомогательных способах коммуникации думотериев. Требуется полное душевнотелесное описание всех причастных к побегу думотериев с привязкой к базовой шкале одиночников светломатерчатых.

Хранитель: Запрошенные сведения отсутствуют.

Наблюдатель: Два думотерия в радиусе действия станции. Это побег.

Хранитель: Записано.

Думовед: Оцениваю духовнотелесные слепки. Сравниваю со средними популяционными. Прибывшие думотерии относятся к той же популяции. Предлагаю приобщить новые данные к имеющимся и рассматривать как совокупность побегов.

Судья: Требование удовлетворено.

Думовед: Оценку третьего думотерия выполнил. Одиночник светломатерчатый, углеродец мягкотелый, кислзависимый, задумчивый, средневолновой одушевлённости. Духотип слабовозмутимый сильнозаторможенный. Обособленность выше среднего. Слиятельность выше среднего. Выявлена склонность к захвату первой категории.

Хранитель: Записано. Жду полную карту памяти.

Думовед: Оценку четвёртого думотерия выполнил. Одиночник светломатерчатый, углеродец мягкотелый, кислзависимый, задумчивый, средневолновой одушевлённости. Духотип сильновозбудимый, сильнозаторможенный. Обособленность близка к предельной для светломатерчатых. Слиятельность слабовыражена. Склонность к захвату четвёртой категории. Особо опасен. Рекомендую уничтожить.

Хранитель: Записано. Жду полную карту памяти.

Обрезчик: Резать?

Думовед: Нет.

Судья: Мотивировка отказа в обрезке особо опасного побега?

Думовед: Недостаточно данных о популяции. Показано изучение побега для установления оптимальных мер воздействия на всю популяцию.

Судья: Отказ удовлетворён.

Обрезчик: Жалоба Верховному.

Судья: Отклонена.

Техник: Требуется...

Конец выписки

Молчание

– Это «Гефест», – с расстановкой, чтоб Росс успевал переводить, говорил инженер Симпсон. – Наша строительная платформа. Подпишете акт, и мы уведём её.

Разговаривать на ходу было неудобно – заказчик не шёл, не скакал «лунным галопом», а пёр по тоннелю кессона враскачку, как пьяный. То его несло к стене, то бросало к потолку, а то и вовсе валило с ног, когда он пытался остановиться. Предупредить, что в кессоне нет искусственной гравитации, Люк не успел – русский, не поздоровавшись, накинулся с расспросами о монстре, которого заметил при посадке. С трудом сохранив серьёзную мину, инженер ответил. Улыбки ни к чему, мистер Вавилов обидчив, ещё примет на свой счёт и накалякает в акте какую-нибудь гадость. «Плакали тогда премиальные», – подумал Симпсон и добавил:

– Никаких вспомогательных конструкций не останется, только то, что в проекте. Мусора тоже нет. Мы не строили; доставили, смонтировали и запустили готовое.

Выслушав перевод, русский что-то буркнул, но его ответ капитан Росс переводить не стал. Сказал вместо этого Люку:

– «Гефест» уйдёт на автопилоте, я имею указание взять вас и Пьера Монтескую на борт.

– Серьёзно? Вот это новость! – обрадовался инженер, на миг позабыв о заказчике.

Одно дело тащиться неделю вместе с тихоходной платформой, потом ещё неизвестно сколько времени болтаться на орбите, ожидая челнок, и совсем другое – долететь за сутки да ещё и экстраклассом.

Росс не ответил. Глупый вопрос – надо ли воспринимать всерьёз распоряжения управляющего.

Рядом болезненно охнули.

Люк обернулся и поймал заказчика за одежду, говоря: «Осторожнее, в кессоне нет гравитаторов». Мистер Вавилов не успел остановиться – влетел с разгону в дверной косяк и чуть не упал, пытаясь сохранить равновесие. В ответ на перевод Росса он выдал возмущённую тираду, которую капитан оставил без внимания.

«Ругается, – решил инженер, ковыряясь в кессонном пульте. – Зря. Его что же, не тренировали в Хьюстоне? Надо будет осторожно намекнуть, чтоб хоть в первое время носа на поверхность не высовывал. С чего он так злится? Нервы сдали? А капитану хоть бы хны. Морда ящиком. Господи, до чего же не хочется выламываться перед русским, таскать по станции, показывать...»

Не пришлось. В торговом зале на мистера Вавилова накинулся Монтеस्कью. Напал из-за угла, обрушил лавину затасканных острот, из которых Росс не успел перевести и четвёртой части, да и ту с грехом пополам; потащил за собой, затолкал в кабину старичка «Форда», вопя о символах американской цивилизации. Не давая заказчику опомниться, тут же

выковырял его оттуда, как устрицу, увлёк в туалет, перевознося достижения романской цивилизации. Симпсон забеспокоился. Как бы клиент не принял этот спектакль за попытку оказать давление. Переводчик из капитана аховый, как бы не напорол чего. Слышно стало плохо. Симпсон, поджав губы, направился в коридор, но не дошёл, навстречу выкатился Пьер, голося о благах французской цивилизации. Русский потащился за ним в спальню. Через минуту вышел, увидел Люка и что-то спросил.

– Что он говорит? – осведомился инженер у невозмутимого Джошуа Росса.

– Спрашивает, не пора ли вспомнить о благах британской цивилизации.

– Что он имеет в виду?

– Договор, – перевёл пояснения капитан. – Хочет подписать акт.

«С чувством юмора у него всё в порядке, не ожидал, – подумал Люк, открывая перед заказчиком дверь кабинета. – Здорово его правнук Монтескью обработал. Только бы ему не пришло в голову вспомнить о своём прадеде».

Акт был подписан без замечаний.

– А теперь я хочу предложить вам продукт русской цивилизации, – провозгласил капитан Росс волю заказчика.

Мистер Вавилов осклабился, поглядывая то на инженера, то на его помощника по-бычьему.

– В морду дать хочет? – сдохмил вполголоса Монтескью,

но реплика эта переведена не была.

– Ага, я понял, – Симпсон кивнул русскому. – Он хочет sprysnut' это дело и заодно проверить синтезатор.

– «Унитранс» русские придумали? – спросил Пьер за спиной мистера Вавилова, когда тот проследовал к стойке.

– Не знаю. Но точно знаю, что этот тип выкупил патент.

Вавилов сноровисто втолковывал синтезатору заказ. Инженер, помедлив, плюхнулся в кресло рядом со своим помощником – тот вертелся, похохатывал, словом, получал удовольствие. Спрашивал то у начальника своего, то у капитана клипера: «А к достижениям русской цивилизации яды не относятся? А?! Не отравит? Чем будет кормить?» И, пихая Люка локтем в бок: «Думал ли ты, старина, что тебя в ресторане будет миллионер обслуживать?»

– Э-э... – протянул Джошуа, увидев на подносе четыре стограммовых гранёных стаканчика с прозрачной жидкостью.

– За счёт заведения, – на кошмарном английском объявил мистер Вавилов.

– Вы за рулём, капитан? – дурачился Монтеスキю. – Пейте, хозяин обидится. Это что? Блины с икрой? Очень по-русски. Жаль, всё синтетическое. Да пейте же, капитан! У русских есть обычай вызывать на дуэль всякого, кто откажется с ними выпить. Мистер Вавилов напоминает мне моего прадеда...

Тут он заткнулся, потому что получил от начальника лок-

тем в бок. «Не хватало, чтобы начал травить байки о тени прадеда и выскочке де Баце, а то и, чего доброго, вспомнил о призраке в телевизоре». Симпсон кисло поморщился.

– Русские говорят, что молчание – золото, – проговорил, поднимая стакан, мистер Вавилов. – Давайте выпьем за молчание!

Засим, не дожидаясь перевода, перелил содержимое стопки в глотку, а следом сунул блин с икрой. Жевал, наблюдая, как гости справляются с угощением.

Прощались недолго. Провожать отъезжающих хозяин не стал. Прыгая не хуже кенгуру следом за Монтестью по кессону, Люк Симпсон заметил:

– На прощание ты получил ещё один продукт русской цивилизации.

– Какой? – Монтестью притормозил перед входом в лифт, похожий на поршень в цилиндре.

– Пинок под зад, – мрачно ответил инженер, становясь на круглую платформу рядом с невозмутимым Джошуа Россом. – Я так и думал, что не заметишь, как нас вывели.

– Брось, тебе показалось, – с деланной живостью заявил Пьер, думая при этом: «Всё-таки Люк не в себе. Но докладывать... Нет! Клянусь честью моего благородного прадеда. Пусть кто-нибудь другой этим занимается».

Поршень пошёл вверх, выталкивая капитана и двоих пассажиров «Актеона» прочь из лунной блинной.

Четверть часа спустя «Актеон», подняв облако пыли, ото-

рвался от поверхности, повисел на четырёх пламенных кинжалах, разворачиваясь, и рванул ввысь. Следом величаво двинулся «Гефест». Провожая взглядом диковинного криконового жука, Вавилов проворчал: «Вот так чучело!»

Илью Львовича занесло на второй этаж ресторана, под прозрачный купол. Странно, помещение это во время тренировок в Хьюстоне, где была выстроена точная копия лунного ресторана, особой любовью будущего гражданина Луны не пользовалось. Должно быть, мешали лабораторные корпуса, обступившие тренажёр со всех сторон – серые, окноглазые, ошетиненные антеннами, – из-за них Илья Львович на веранде ресторана казался самому себе насекомым в стеклянной банке. И всё-таки провожать «Актеон» вышел именно туда. Садиться не стал – торчал посреди зала, задрав голову и уперев руки в бока; разглядывал то, чего не было и не могло быть в Хьюстоне, – Землю над головой. Досадно, однако то, за чем рвался на Луну – чувство полной безграничной свободы, не приходило. Казалось бы, вот она тает искорка – клипер ушёл. И «Гефест» неразличим – чёрный на чёрном. Серые холмы вокруг, в скудном свете гигантской синей лампы, для того лишь предназначенной, чтобы взять в круг актёра на авансцене. «Вот оно как, – думал Вавилов. – Театр. Сцена, чёрный занавес, прожектор, и я на сцену выперся. Даже не театр, а цирк. Арена круглая, в черноте – зрители. Раззявили рты, готовятся грохнуть смехом, когда клоун под колпаком оступится. Илья Львович вдруг заметил, что ска-

лится, сжав кулаки. «Нет, так не пойдёт. Не дело – пыжить-ся, когда нет возможности даже в морду дать никому, кроме себя. Чего это меня так распёрло? Театр, цирк...»

И то сказать, всё как-то театрально выглядело: клипер, капитан этот опереточный, шут гороховый Пьер, да и второй тоже. Ненастоящее всё, как в кино. Как знать, не продолжение ли это хьюстонских декораций? Ну, была невесомость, пока летели, так что? Кажется, это и без полёта на Луну можно устроить. Ну, было что-то такое в тоннеле. Может, просто голова закружилась после болтанки или опять дури какой-нибудь в питьё всыпали. Холмы эти за стеклом... Но можно ведь и это устроить? Проекторы какие-нибудь лазерные-шмазерные. Фокус.

«Надо проверить», – сказал себе Вавил, намеренно разжигая злобу с таким расчётом, чтоб помогла делу, но не перехлёстывала.

Он сдержался, не побежал, по лестнице спустился спокойно. Чинно проследовал мимо барной стойки к выходу, дождался, пока сработает дверная автоматика и уедет в сторону зеркальная перепонка, и ступил в кессонный арочный коридор. Он делал это сто раз на Земле, в Хьюстоне. Откуда же озноб? Откуда это чувство силы? Точно как тогда, сразу после прилёта. Илья Львович припомнил вдруг: инструктора что-то такое говорили. При лунной, мол, тяжести нужно не ходить, а прыгать вроде кенгуру. Он попробовал, но приноровился не сразу, слишком потолки низкие. «Это ещё ни-

чего не значит, – убеждал он себя, перемещаясь по тоннелю тягучими прыжками. – Фокусы, всё фокусы».

Опять не рассчитал, влетел в переборку между шкафами, но боли от удара не заметил. Скорее! В шкафах должны быть...

Шторка сдвинулась, перед нетерпеливым гражданином Луны открылось оранжевое нутро скафандра, похожее на глотку монстра или на разрезанную перчатку великана. Вавилов сунул голову в шлем, потом вспомнил – сначала ноги, – и вошёл в скафандр по всем правилам. В шкафу автоматически зажглось освещение, Вавилов увидел прямо перед собою пульт и, протянувши палец уже втиснутый в неуклюжую перчатку, нажал нужную клавишу. За спиной взвыли моторы, проворно пакуя человека в кокон, закуклили плотно, заботливо, с механической точностью. Один за другим защёлкнулись замки, загорелся зелёный огонёк – всё в норме, – и с треском ломающихся веток разжались стальные когти фиксаторов. Вавилов почувствовал, что больше его ничто не удерживает, глянул под ноги, переступил, щупая стену, но рука поймала пустоту. Он сделал по инерции ещё два шага, споткнулся на каменистой поверхности и каким-то чудом удержался на ногах. Кессон выплюнул одетое в оранжевую кожуру существо сразу же, как только установил, что с облачением покончено.

Илья Львович попробовал оглянуться, но не вышло – наушники сдавили голову, не пустили. В них ритмично шор-

хали и хрипели волны, а в промежутках между приливами и отливами что-то шумело на грани слышимости, как ветер в каминной трубе. «Это я. Моё дыхание, – сообразил Вавилов. – И кровь шумит. На тренировках не было слышно, потому что бухтел в уши инструктор. Так хотелось, чтоб он заткнулся!.. Ну вот оно – молчание».

– Молчание! – крикнул Вавилов, подняв взгляд от неправдоподобно чёткой, изломанной камнями собственной тени к горизонту.

Крик пропал даром, пустота сглотнула его без остатка. Илью окатило холодом, он попятился, разворачиваясь, но секундный страх тут же прошёл. Яркое освещённая ячейка кессона была рядом, на расстоянии вытянутой руки. Тень на камнях – от этого желтоватого света, а холод от системы климатизации, он и на занятиях был. Со скафандром всё в порядке. Вавилов потрогал шероховатую стену, но, естественно, ничего сквозь перчатку не почувствовал.

– Ты гляди мне, – сказал он кессону, – не вздумай закрыться, пока не вернусь.

Сказал и представил вдруг, как он возвращается, а дверь закрыта. Снова накатил страх. Пришлось заставить себя отойти прочь, толкнувшись рукой от стены, чтобы не податься, не кинуться обратно в шкаф. Отойти – не то слово. Вавилов сделал три или четыре неуклюжих прыжка, прежде чем понял – не нужно так сильно, полегче.

Россыпь камней сменилась вязким, как грязь, песком,

тень поблекла, съёжилась. Двигаться было легко. Быстро войдя во вкус, Илья подумал даже, что спускается с холма, потом у него мелькнула мысль, что подниматься будет тяжелее, и он, нелепо семеня, остановился.

Оказалось, не под гору спускался, а лез на дюну, и отойти успел прилично. Похожий на закопанную в ложине здоровенную бочку ресторан был ниже. Воткнутая в покатым блестящий бок труба щерила квадратный зев кессона, вывалив наружу желтоватый световой язык. По обе стороны от неё – уши посадочных площадок с раструбами стыковочных узлов. Изогнутая цепочка следов отмечала путь Ильи Львовича, но до входа не доходила – там пыль сдуло при посадке и взлёте клипера начисто, и открылись камни. Пыль синевато светилась в свете Земли, серебристыми облачками висела над рубчатými следами ботинок, осесть не спешила. Над изгибом лощины, над хребтом, за который спряталось солнце, – синее пыльное зарево, но выше – чистейшей черноты бархатный полог. И Земля, похожая на ёлочный шар.

Крики, смех, пустопорожняя болтовня, рёв двигателей, брнчание радио, щёлканье выстрелов, взрывы, птичье утреннее пение, шелест листвы, громовые раскаты, младенческий ор, шум прибоя – всё это осталось там. Ни ковариному писку, ни грохоту ядерного взрыва не пробиться сквозь пустоту, которой вокруг Земли наверчено побольше, чем упаковочной ваты вокруг всех ёлочных игрушек мира, сколько бы их ни было.

Илья осмотрел гигантские, поставленные косо на крыше ресторана буквы, прочёл сложенную из них надпись «BlinOk» так, будто видел её впервые, и стал неторопливо спускаться. Обошёл купол стороной, словно хотел проверить, убран ли строительный мусор, завернул за угол и остановился в нерешительности, глядя на запад. Казалось, за гребнем холма ничего нет. Казалось, хребет, похожий на загорбок спящего зверя, близко, рукой подать. Вавилов спросил себя: «Сходить туда, что ли?» – и, не дожидаясь ответа, двинулся вверх по склону медленно, быстрее, ещё быстрее и, наконец, в полную силу. Если бы его спросили, что гонит его к лунному горизонту, не нашёл бы ответа. Понятно ведь уже, что не декорация – отгрохать такой павильон выше человеческих сил, и всё же Илья Львович поднимался по склону холма со всей скоростью, какую мог развить, будто надеялся влететь с разбегу в крашенную чёрным стену и пробить её.

Времени он не замечал, но изрядно вымотался к тому моменту, когда стало понятно – гребень значительно дальше, чем представлялось на первый взгляд. Пришлось сбавить темп, но останавливаться не хотелось. Расслабишься – потянет оглянуться, а это первый шаг к отступлению. Стали попадаться трещины и оголённые иззубренные скалы – их Вавилов обходил стороной, из боязни споткнуться. Кто его знает, легко ли подняться на ноги в скафандре, а помочь некому.

Скалы стали попадаться чаще. Ища проход, Илья какое-то

время не поднимал головы, смотрел под ноги. И всё равно с трудом устоял, когда внизу вдруг раскрылась пропасть. Стронутая с места глыба, с виду надёжная, накренилась, лениво поворачиваясь, перевалилась словно бы нехотя, подпрыгнула на уступе... Вавилов вжался в карниз и зашарил рукой в поисках опоры. Почувствовал спиною сотрясение от удара, вдохнул полной грудью, набирая воздух для крика, проследил, как многотонный камешек пролетел метров десять и раскололся от удара, как брызнули фонтаном осколки...

Кричать Илья не стал. Выдохнул. Много ли толку от воплей, если всё равно никто не услышит? «Сколько лет он здесь лежал, ждал меня, придурка. Миллион? Миллиард? Свалился, теперь обломки пролежат ещё столько же, пока не найдётся ещё один идиот, который столкнёт ниже».

Два самых крупных потомка поверженной скалы утвердились на краю неширокой усеянной каменным крошевом террасы. Ниже склон не был крут. Ещё одна лощина вроде той, что осталась позади. Так же горбился противоположный склон её, и снова казалось, что хребет близко и нет за ним ничего кроме пустоты.

Неловко ёрзая, Вавилов отодвинулся подальше от обрыва, повернулся, не вставая, и глянул туда, откуда пришёл. Ресторана видно не было. Блекнувшее зарево по правую руку и едва заметная цепочка следов на пухлом боку холма слева – вот и все приметы, по которым можно определить, отку-

да и куда беспокойное насекомое волокно свой оранжевый панцирь. Илья прислонился к скале и запрокинул голову так, чтобы оказаться лицом к лицу с Землёй.

Жив он или нет, удержался на краю или свернул шею, — безразлично. Молчание сожрёт всё: вопль ужаса, крик боли, стоны, хрип, молитву, ругань — с одинаковой жадностью, как пожирает вдохи и выдохи. Шторка кессона останется нараспашку, как саркофаг, из которого сбежал покойник. Экскурсоводы «Moon Attraction» будут предлагать дойным лопухам пройтись сверх программы к Мумии Первого Гражданина Луны, сразу после того как туристы подкрепятся синтетическими блинами и налакаются водки, увеличив доход мёртвого хозяина заведения.

Отсмеявшись, Вавилов устроился с комфортом в скальной выемке. Торопиться было некуда, регенератора скафандра, если верить инструкторам, должно хватить надолго, а запасы молчания неисчерпаемы.

Выписка из журнала обрезки побегов (hacked by WPTranslator)

Наблюдатель: Первый, второй и третий думотерии вышли за пределы наблюдаемой зоны. Предлагаю расширить зону наблюдения.

Хранитель: Записываю.

Техник: Протест. Радиус границы зоны наблюдения совпадает с предельным радиусом достоверности.

Судья: Протест принят. В расширении зоны наблюдения отказано.

Думовед: Устранить противоречия в информации о способе перемещения думотериев не удалось. Недостаточно информации. Ментальный уровень развития наблюдаемой особи не позволяет пополнить данные.

Обрезчик: Резать?

Думовед: Нет.

Судья: Мотивировка отказа?

Думовед: Необходимо провести на имеющемся материале серию ментальных испытаний.

Судья: Отказ удовлетворён. Цель исследований?

Думовед: Изучение устойчивости популяции к внешним возмущениям.

Судья: План исследований?

Думовед: Оценка ментальной упругости особи. Оценка

остаточных деформаций личности после неразрушающего воздействия на особь. Оценка предела личной устойчивости особи. Определение предела духовной прочности особи разрушающим воздействием.

Судья: План утверждён.

Хранитель: Записываю.

Техник: Протест. Изучение коммуникативных возможностей особи после разрушающего воздействия невозможно. Предлагаю расширить план исследований.

Судья: Протест принят. Применение разрушающего воздействия временно запрещаю. Предписываю расширить план исследований коммуникативных возможностей особи.

Думовед: Коммуникативные испытания на базе одной особи невозможны.

Судья: Противоречие? Предложите способы устранения.

Техник: Возможно ментальное моделирование с последующим синтезом личностей.

Думовед: Прошу разрешить ментальное моделирование с последующим синтезом личностей.

Судья: Разрешаю. План исследований?

Думовед: Для составления плана необходимы данные о душевнотелесных качествах имеющейся особи и доступных ей механизмах коммуникации.

Хранитель: Одиночник светломатерчатый, углеродец мягкотелый, кислзависимый, задумчивый, средневолновой одушевлённости. Духотип сильновозбудимый, сильнозотор-

моженный. Обособленность близка к предельной для светломатерчатых. Слиятельность слабовыражена. Склонность к захвату четвёртой категории. Личный способ перемещения – типичный для углеродцев мягкотелых: электромагнитной природы, скелетно-мышечный, ритмичный, гравизависимый, опорно-падающий, с электромагнитным автоуправлением. Личный способ ориентации: пространственно-зависимый электромагнитной природы, волновой, оптико-механический, низкоскоростной, с хеомоэлектрическим обеспечением. Основной личный способ обмена информацией: электромагнитной природы, волновой, механический, модуляционный, дискретный, логически организованный. Личный способ хранения и обработки информации – типичный для углеродцев мягкотелых: электромагнитной природы с хеомоэлектрическим обеспечением. Организация данных дискретно-аналоговая, образно-логическая, связная, высокой упаковки. Волновые способности в зачаточном состоянии, два балла по общей шкале одиночников светломатерчатых. По самооценке: душевнотелесные данные значительно выше среднепопуляционных. Достоверность самооценки не выяснена.

Думовед: Характеристика думотерия принята. Данных для моделирования недостаточно. Требуются психофизические данные – средние значения и допустимый разброс. Для моделирования социальных отношений необходимо подробное описание механизма размножения: основного и всех

вспомогательных, если таковые имеются.

Хранитель: Данные о способе размножения неполны и противоречивы. Выявлен характерный для кислотолюбивых углеводцев светломатерчатых половой способ размножения, но в исследованной группе думотериев не выявлены половые различия. Предлагаю пополнить данные.

Судья: Способы пополнения?

Думовед: Стохастическое моделирование. Аппроксимация по классификационным данным. Биомеханическая экстраполяция. Прямое волновое исследование.

Судья: Сравнительная оценка затрат и достоверности результатов?

Техник: Метод прямого волнового исследования оптимален по указанным параметрам.

Судья: Возражения?

Думовед: Нет.

Судья: Выбран метод прямого волнового исследования. Напоминаю о временном запрете разрушающего воздействия.

Хранитель: Записываю.

Техник: Рекомендую точечное вмешательство в момент минимальной двигательной активности и максимальной ментальной активности.

Судья: Рекомендация принята. Предписываю выбрать момент и начать вмешательство.

Думовед: Приступаю к выбору момента.

Наблюдатель: Всем-всем-всем! Внимание! Думотерий перемещается к границе зоны наблюдения! Возможна эскалация побега!

Обрезчик: Резать?

Судья: Всем-всем-всем! Задействовать систему превентивной обрезки.

Обрезчик: Предупреждение? Устрашение? Уничтожение?

Судья: Применить...

Конец выписки

Звуки

Ужас гнал Вавилова вниз по склону. Илья не заботился больше о том, куда поставить ногу, ломился, не разбирая дороги, выдыхал с криком, а вдыхал жадно, со стоном, и казалось, воздух вот-вот порвёт лёгкие. Пот заливал глаза. Прыгал и раскачивался пыльный бок холма, и вместе с ним прыгала и раскачивалась вдали серебристая капелька ресторана, но Илья больше не терял её из виду. Скорее туда, под прочный панцирь!

«Ноги ватные, вязнут. Пыль? Не оглядывайся, не огля...» Напрасно он напоминал себе об этом. Чтобы оглянуться, нужно остановиться, а на это не хватило бы духу. Так ли важно, тянется позади пыльный шлейф или нет? Главное – не потерять ртутную каплю на сером каменистом поле. «Близко уже. Почему не видно кессона? Закры... Ах ты!»

Илья прынул в сторону. Показалось, под ногами рванул, брызнул осколками камень. Беззвучно ударил в чёрное небо фонтан, песок шваркнул по забралу скафандра, на миг всё исчезло в серой мути, но Вавилов выкрикнул: «Мимо!» – в три прыжка вырвался из пыльного облака и снова нашёл свой ресторан.

«Чепуха осталась, а кессона не видно, потому как он с другой стороны. Справа обойти надо. Только бы не попал, сволочь, только бы...» От страха не получалось припомнить,

что за дрянь валится сверху, просто не шло в голову слово. «Только бы не попал, – заклинал неизвестно кого Илья. – Только бы не попа...» Вавилов, огибая купол, вымахнул из-за угла и сгоряча сделал пару лишних скачков. Скошенные литеры «В», «l», «i», «n» прочертили оранжевые дуги, квадратный зев кессона успел увидеть Вавилов, прочёл «Ок», но составленное из букв название заведения застряло в горле комом.

Ударила по глазам ярчайшая вспышка. Почва ушла из-под ног. Падая навзничь, Вавилов увидел, как на фоне чёрного, с искрами, бархата проплывает, лениво вращаясь, оранжевый обруч – буква «О». Беззвучно.

Ноги окатило холодом. «Скафандр?» – ужаснулся Илья, шаря затянутой в неуклюжую перчатку рукой по бедру, но пальцы угодили во что-то мягкое, тёплое. Одеяло. Перчатки на руке не было.

Что-то сипело еле слышно в темноте над головой. Мокрое от пота лицо обдувал приятный сквознячок, ногам холодно было, а руки запутались в одеяле. Не было никакого скафандра, ресторан не разнесло в куски прямым попаданием... «Сон всего лишь», – сообразил Илья Львович, пытаясь совладать с дыханием. Пульс бился в горле, висках и, казалось, даже в зубах. «Метеориты», – обмирая, припомнил владелец лунного ресторана название того, что во сне валилось сверху. И не только во сне.

Накануне, сидя в скальной выемке, Вавилов увидел вдруг,

как на боку холма вырос куст. Совсем близко. Взрыва не было, столб пыли взметнулся и стал оседать, раздуваясь вширь. По дрожи каменистого хребта Илья понял – удар был силён, если так саданёт в скафандр, ничем хорошим прогулка не кончится. Благодушное настроение разом соскочило с Ильи Львовича. Тут же вспомнились наставления инструкторов – ни при каких обстоятельствах не терять из виду базу и не выходить на грунт без необходимости, – потом зашевелились сомнения: а выдержит ли купол прямое попадание? Захотелось найти упавший камень, чтобы оценить его размер и вес, но нелепое это желание удалось подавить без труда. Как и в кошмарном сне, страх погнал Вавилова по цепочке рубчатых следов обратно, под крышу. Не таким идиотским галопом, как во сне, но наяву ведь не падали больше метеориты, метя в оранжевую мишень. В шкаф Ильи не вошёл, а, суетливо пятясь, втиснулся. За сдвижной шторкой следил с замиранием сердца, облегчение испытал, только когда увидел облитый желтоватым светом пульт управления, и тогда же заметил, как трясутся руки. Хотел выругаться матерно, позакovskyристей, но привычные слова застряли в горле, вышло невнятное бульканье. С минуту, никак не меньше, Ильи тупо разглядывал ряды клавиш, пока не вспомнил, какие из них надо нажать, чтобы вцепились в костюм фиксаторы и растянулись замки. Наконец, оранжевый кокон выблевал содержимое своё на плитчатый холодный пол.

Стоя на четвереньках, Вавилов подумал, что ползти по

кессонному коридору сил не хватит.

— Но доплёлся же, — сказал он в темноту, силясь припомнить, как попал в комнату. — Ни дать ни взять бухой засраонец, студентишко бля... х-х...

Вавилов поперхнулся ругательством. Не получалось выматериться, стало во рту гадко. «Да что ж такое со мной? — мимолётно изумился он. — Никогда такого не было, даже с бодуна, чтоб не смог облегчить душу».

— Однако надо бы встать, — сказал он тьме с вызовом.

В ответ услышал лишь сипение воздуха в решётке кондиционера, слова пропали попусту.

Он выпутался из одеяла, — понятно, почему ногам было холодно! — слез с кровати, — пол тёплый, приятно, — зашлёпал босиком, вытянув руки, как слепец, — где-то здесь должен быть... — и наткнулся на стену, после чего дело пошло лучше, обнаружился дверной косяк и рядом с ним выключатель. Мягкий свет не вспыхнул, а забрезжил и разгорелся, как будто взошло солнце, и хозяину лунного ресторана полегчало. Кремовые стены, резное дерево, бронза и медь, — пусть всё это фальшивка, но как уютно и надёжно выглядит! Одежда Ильи Львовича валялась на полу, разбросанная по всей комнате, но он не стал собирать её. Как был, наг и встрёпан, проследовал в ванную комнату, щёлкнул выключателем, осветив молочной белизны стены молочным же светом, и отразился в ростовых зеркалах — загнанный в кафельный мешок дикарь. Неандерталец, или как их там называли?

– К хренам собачьим, – сказал своему отражению Вавилов. – Насрать, на кого я похож, смотреть на меня некому.

Сказал это и, поразмыслив, добавил сложный, хорошо продуманный мат. Получилось на этот раз, но без удовольствия, глупо прозвучало и жалко. Утренним туалетом поэтому Илья Львович занялся молча, угрюмо, тишину решил нарушить только для того, чтобы выяснить вопрос – стоит ли тратить время на бритьё.

– Кабанье рыло, – нежно обратился он к своему отражению в зеркале, что над раковиной умывальника. – Щетину будешь скоблить?

Двойник в зеркале – крепкий сорокалетний мужик, брюнет, стриженный коротко, – выдвинул тяжёлую челюсть, облапил подбородок, поморщился и ответил:

– Трёхдневная, как у этого, как его...

Выскочила из головы фамилия актёра, на которого был похож Илья Львович или полагал себя похожим, впрочем, не без основания.

– Бабам сейчас такая нравится, – успокоил он зеркального двойника, подвергая осмотру родинку на правой... или левой?.. хрен с ней, не важно какой щеке.

– Ясен кран, возбуждаться при виде твоей небритости, опять же, некому, – ответил из зеркала щетинистый парень, закрыл рожок зеркального крана и потянулся за одноразовым полотенцем.

Тут Вавилову некстати припомнилась Джина, но мысль о

ней особого раздражения не вызвала, и бывшая жена обозвана была, против обыкновения, беззлобно.

– Сучка, – сказал Вавилов и принял окончательное решение – бриться не к чему.

– Может, и не одеваться? – спросил он, глядя сверху вниз на собственные плавки. – Так и шариться по ресторану, сверкая задницей?

Не ответив себе, сгрёб с пола шмотки, вернулся в ванную, нашёл там чистильщика и сунул в его отверстие пасть разноцветный мятый ком. Затем поискал и обнаружил свой багаж, как и положено было по контракту, на полках и вешалках гардеробной комнаты. «Те двое развесили, или кто-то до них? – думал Вавилов, нехотя одеваясь. – Говорили, мы не строили, мол, установили готовое». Он невесело посмеялся, представляя, как его ресторан совершает путешествие с орбиты Земли к лунной поверхности, как опускается, треща развешанными в платяном шкафу рубашками и штанами, как шевелятся подобные змеям полосатые галстуки, и как стопки трусов, совершая беспримерный перелёт, дремлют на полках в ожидании высокой чести – быть натянутыми.

– Скорее всего, наладчики развешивали и раскладывали. Наверняка была у них в плане пусковых работ такая графа: настройка платяного шкафа с последующей инсталляцией нижнего белья.

Высказав это соображение, Вавилов пригладил волосы, поправил галстук, подмигнул европеизированному своему

двойнику, прошествовал через спальню мимо разорённой постели и вышел в торговый зал.

Первое, что бросилось в глаза, – янтарные цифры над входом. Девятый час по среднеевропейскому, самое время позавтракать.

Вавилов по-хозяйски обревизовал зал, сунулся в кабину «Форда», – ничего не скажешь, роскошная рухлядь! – и, желая послушать стариков голос, стиснул резиновую грушу клаксона. Гнусавый рёв распорол тишину, Илья повеселел, спрыгнул с подножки и вразвалку направился к стойке. Хороша тачка, никаких бабок за такую не жалко. Конечно, ездить по Луне – думать нечего, да и в шлюз она не влезет, но чего стоит представить, будто на ней прибыл? Задумавшись, он чуть было не влез на барный табурет, но опомнился – кто примет заказ и втолкует его синтезатору? – и зашёл за стойку.

Овсяная каша, омлет, ветчина, – Илья Львович придерживался консервативных взглядов, – салат по-гречески, – не чуждаясь при этом демократических ценностей, – сливки, чёрный кофе по-турецки, – симпатизировал радикалам правым и левым, – без сахара, – либералов только не любил, хоть и признавал их полезными при некоторых обстоятельствах. Сообщив свою волю синтезатору, хозяин-бармен-посетитель возложил на дактилосканер длань и свободной рукою выбрал в экранном меню пункт «за счёт заведения». Прозвенел колокольчик, хозяин-бармен-посетитель с видом

весьма консервативным дождался появления в окне раздачи заставленного подноса, демократично доставил завтрак клиенту и радикально принялся за него, орудуя обеими руками – правой и левой. Насытившись, он развалился на стуле, либерально протянув ноги в проход, и приготовился просмаковать кофе, думая при этом: «Что мне точно не грозит, так это сдохнуть с голоду. Две цистерны «унитранса», каждая по двадцать тонн. Сорок тонн жратвы. Нет, не сорок, ещё ведь эта балалайка воду берёт из резервуара. Тонн восемьдесят выходит на круг. Или сто? Лет на сто мне одному хватит или на тысячу. А в бассейне с водой вообще нырять можно, если сдуру туда забраться». Вавилов лениво глянул в пол, как будто можно было увидеть под ногами подземный резервуар, на котором покоилась станция.

– Нормально у меня тут с водой, – лениво проговорил он. – Херр профессор сказал, что она к тому же круговращается. Но об этом лучше не надо сразу после завтрака.

Отпив кофе, Илья Львович скривился. Что-то было не так.

– Музыкашки не хватает, вот что, – сказал он, отставил чашечку, звякнув ею о блюдце, поднялся и проследовал к пульта медицентра. На досуге, надо заметить, Вавилов в виде развлечения препарировал звуки. Было у него такое невинное хобби – резать аудиотреки опер или там фильмов, в общем, без разницы, главное, чтобы получалось смешно. Тенора запросто мог превратить в дисканта, баса наградить при-

ятным контраalto, а партию первой скрипки сделать похожей на визжание циркулярной пилы. Медиацентром Илья Львович манипулировал виртуозно, и особым пунктом оговорил в контракте, какую именно модель сего полезного инструмента хочет видеть у себя в заведении.

Но редактурой за утренним кофе Вавилов заниматься не собирался, просто хотелось пустить фоном что-нибудь джазовое: саксофон, к нему сопровождение, или что попадётся в таком же роде. Он врубил пульт, вызвал меню, полез в фонтотеку...

– Пусто, чтоб тебя! А видео?

Но не было в памяти центра ничего, даже рекламных клипов. Хозяин ресторана приготовился обозвать подрядчиков жуликами и разгильдяями, но перед внутренним его зрением промелькнули пункты договора. Ни слова в них о музыкальном наполнении медиацентра не было.

– Не они, значит, жулики, а я дурак, – резюмировал Илья. – Но это дело поправимое.

Он отдал электронике приказ обшаривать эфир в поисках чего-нибудь и вернулся за столик, прихватив клавиатуру. Экран снежил, в динамиках шуршало, как будто на диффузоры кто-то сыпал тонкой струйкой песок, остывший кофе показался Вавилову кислым, к сливкам он не притронулся.

– Как, ничего не нашёл?! – гаркнул Илья, заметив, что движок сканера добрался до последней черты. – А ну-ка, давай ещё! Шурши!

Но и второй проход не дал результатов.

– Ещё!

Не дал и третий. Песчаный шорох, снегопад...

– Скотина! – выкрикнул Вавилов и в сердцах саданул кулаком по столу. Звякнула, опрокинувшись, чашка, покати-лась, за нею потянулась по фальшивому мрамору грязная до-рожка. Выкрик увяз в снежном шорохе. Илья взял себя в ру-ки и нажатием клавиши остановил поиск. Снегопад прекра-тился, огромный экран опустел, стало тихо, как будто купол по самую макушку засыпало снегом.

Вавилов развёз пальцем по столу коричневую жижицу, буркнул: «Помои. Тут не кофе нужен, тут...»

Не договорив, он вскочил и кинулся к синтезатору, отирая палец о штаны.

– Стопку и ещё стопку. Будем здоровы! – Он суетливо звякнул стекляшкой о стекляшку и стал хлебать беленькую, как воду. Чтоб обожгла глотку и продрала до желудка, что-бы забила гнусный кислый привкус тишины. Снежный шо-рох чтоб не мерещился больше. После второй стопки в ушах зашумело, а по животу разлилось тепло. Какой-никакой, а результат, но Вавилу этого показалось мало, он заказал ещё двести. Цедил мелкими глотками, наблюдая, как немеют щё-ки, как руки становятся ватными.

– Вот так, – заявил он победно. – И никакой тишины, по-нятно! Молчать за-пре-ща... Вы хотели заставить меня мол-чать? Думали, я хлебало заткну пяткой... Ну ничего, вот по-

правлюсь немного, потом пойду в свой кабинет, там у меня по договору ин-тер-нет. Только не надо... Не надо! Не говорите, что его там нет. Я вы-ка-чаю... Не, чаю не надо, при чём здесь... Саксофон! Вот он мне нужен, его и вытяну. Это же ну... То есть я хотел... Это же надо! Снегом на Луне засыпаться!

Илья Львович захихикал, расставляя пустые стопки строем, словно хотел произвести им смотр.

– С-смирно! – скомандовал он. – Слушай мою... Ва-апрос!

Он обдумал формулировку, сощурил один глаз и спросил:

– Какого хрена я здесь?

Илья выдержал паузу, склянки ничего не ответили.

– А-а! Не знаете?! Тогда я вам скажу. Тесно мне. Не развернуться стало: бабки, бабки, бабки! Дофига бабок, и всё без толку. А я хочу раз-з... Нет, вернуться я не хочу. Зачем? Пускай все сюда летают. Знаете, сколько эта ваша вонючая контора, мун атр... артр... Нет, надо ещё хлопнуть.

На этот раз Илья ограничился одним стаканчиком, чтобы вышло ровно пол-литра. Не чокаясь, выпил одним духом, стукнул о стол донцем и продолжил спич:

– Вонючая ваша контора, мун атракшн, трах её в тебедох, за каждый заход клипера так башляет, что можно всех поить за счёт заведения, н-но! – Вавил воздел указательный палец. – Шары больше не будет. Сто экю за стопку, пока не вылакают всю воду и не сожрут... Только один – вы поняли?! –

один человек на всей Зем... То есть на Луне... Короче, один я буду жрать это дерьмо бесплатно. А почему?

Вавилов сделал паузу, ожидая ответа.

– Потому что ты избранный, – ответил ему знакомый голос.

– Хрена! – радостно возразил Вавилов, повернувшись на голос. – Какой я тебе избранный?

Человек на экране телевизора плыл и двоился. Илья попробовал навести резкость, собрался с мыслями и пояснил:

– Избранный или не избранный, а патент на унитр-р-р... на дерьмо это, короче, купил три года назад у хер-ра профессора и самого его с потрохами купил. О чём ты вообще? Избранный... Я в политику не лезу, мне, бля, своего дерьма хватает выше крыш-ш...

Вавилов рассмотрел одеяние собеседника, потому и зашипел. Поп какой-то. При попах, кажется, не матерятся. В чёрном весь, только шапка белая и на шапке что-то вроде кокарды или герба. Крепкий мужик, морда ящиком, на кого похож – не разобрать, в телевизоре расфокус или в глазах.

– Избранный, – снова сказано было Вавилову с экрана телевизора. – Ты соль земли. Если соль потеряет силу, то чем сделаешь её солёною? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить её вон...

– Почему соль? – Илья выкарабкался из кресла и подошёл ближе.

Человек в телевизоре не унимался, монотонно бубнил,

текст его выступления показался знакомым. «Ток-шоу какое-то, – решил Вавилов, разглядывая родинку на щеке ведущего – Таки сработала автонастройка».

– Свет мира, – говорил ведущий. – Не может укрыться город, стоящий наверху горы. Зажёгши свечу, не ставят её под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет твой...

– Но я же выключил центр! – выкрикнул Илья, подойдя совсем близко.

Лицо телеведущего... Родинка на правой щеке... Щетина трёхдневная...

– Не думайте, что я пришёл нарушить закон или пророков: не нарушить пришёл я, но исполнить, – веско заявил шоумен, глядя на Вавилова исподлобья.

«Да это же я!» – сообразил Илья, и смысл происходящего дошёл до него в полной мере.

Очнулся он в спальне. Спиною вжимался в дверь, держась за ручку, как будто кто-то пытался вломиться. Горло першило от крика, хмель соскочил. Мир виделся чётко, никакого расфокуса. Илья заставил себя отпустить ручку двери и провёл по ней пальцем, потом пал на колени, обшарил паркетные шашки, на четвереньках добрался до кровати, ощупал изгибы полированной резьбы... Реально всё, реальней некуда. «С поллитры до чертей допить, это надо уметь, – подумал он, забираясь на ложе. – И даже не до чертей, а до попов. Говорил же кто-то из инструкторов, что могут от одиноче-

ства начаться глюки».

Вавилов вытянулся на кровати и уставился в потолок. Надо было обмозговать положение.

«Не думал я, что так быстро спрыгну с катушек. Но, если разобраться, что случилось-то? Почудился спьяну поп, нёс всякую ахинею... Нет, минутку, если это был глюк, нести он мог не всякую ахинею, а только то, что я слышал раньше. Тот мне показалось... Ладно, это дело десятое. Как проверить, бред это или нет? Сейчас-то я ни в одном глазу. Надо пойти глянуть, там ли он».

Приняв такое решение, Вавилов долго не мог принудить себя исполнить задуманное: пойти и посмотреть. Казалось бы, чего проще? Пришлось собрать волю в кулак. По короткому коридору он шёл, как арестант с гириями на ногах. Прислушивался на ходу. Ничего такого слышно не было. Выглянув из-за угла, Илья зыркнул на экран. Пусто. А панель управления? Выключена, огоньки не горят.

У Ильи Львовича отлегло от сердца: мало ли что спьяну померещится? Такое с кем угодно бывает, а тут ещё тишина, одиночество, снег. Он поёжился. Захотелось рассказать кому-нибудь: «Слышь, прикинь, выжрал с утра поллитру, и так мне вштырило, что себя самого увидел в телевизоре. В поповском прикиде, с делами. И сам с собой разговаривал о соли какой-то, о свете. Бред ведь, а?!» Рассказать хоть кому, хоть диспетчеру, хоть инструктору, хоть бомжу последнему, хоть Джине, если больше некому. Нестерпимо захоте-

лось, аж свело челюсти. Всосав сквозь зубы воздух, Вавилов сообразил – это ведь можно устроить. Терминал в кабинете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.